

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Ю. Г. Малис](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Источники](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Ю. Г. Малис
**Рудольф Вирхов. Его жизнь, научная и
общественная деятельность**

*Биографический очерк Ю. Г. Малиса
С портретом Вирхова, гравированным в Лейпциге
Геданом*

Глава I

Детство Вирхова. – Гимназия в Кеслине. – Медико-хирургический институт Фридриха Вильгельма. – Новые течения в немецкой медицине. – Университетские преподаватели Вирхова. – Физиолог Иоганн Мюллер. – Клиницист Шенлейн. – Докторская диссертация

Рудольф Вирхов происходит из небогатой купеческой семьи. Отец его занимался торговлей в Шифельбейне, маленьком городке прусской провинции Померании, где и родился 13 октября 1821 года один из самых выдающихся представителей современной медицинской науки.

Детство Вирхов провел в родном городке, где посещал народную школу, а затем, после дополнительной домашней подготовки, поступил тринадцати лет в классическую гимназию в Кеслине. Благодаря своим выдающимся способностям, уже рано сказавшимся, Вирхов при поступлении в гимназию обладал для своих лет очень основательными познаниями в древних языках, в особенности в латинском. Знание латыни приобрело ему благосклонность директора кеслинской гимназии, Отто Мюллера, большого знатока латинских классиков. Напротив того, преподаватель греческого языка, некий Грибен, невзлюбил Вирхова, несмотря на его не менее хорошую подготовку и по этому предмету. Занимавшийся с Вирховым греческим языком в Шифельбейне второй проповедник городка был принципиально против заучивания наизусть грамматических правил, а старался, чтобы мальчик усвоил себе эти правила незаметно, практически, вследствие чего и заставлял своего ученика много переводить на греческий язык. В результате такого способа преподавания юный классик усвоил себе целые обороты речи и применял их безошибочно в классных упражнениях, в так называемых *extemporalia*, столь памятных каждому, прошедшему сквозь строй рутинной системы классического образования. Гимназический преподаватель в Кеслине, наоборот, требовал прежде всего знания наизусть грамматических правил. Этому требованию Грибена Вирхов не удовлетворял, а между тем его переводы на греческий язык были всегда очень хорошо и правильно написаны. Почтенный педагог отнесся поэтому с недоверием к познаниям Вирхова и первое время заподозрил его в надувательстве. Когда же Грибен, несмотря на всю строгость контроля, не мог заметить, чтобы Вирхов

прибегал к каким-либо недозволенным средствам, то стал питать некоторое неприязненное чувство к ни в чем не повинному юноше. Эта неприязнь учителя к ученику могла иметь, как это сплошь да рядом и бывает, роковое значение для Вирхова. На выпускном экзамене, хотя Вирхов и хорошо сдал по греческому языку, упрямый педагог все же заявил, что подает голос против Вирхова, который, по его мнению, не обладает достаточной нравственной зрелостью, требуемую для поступления в университет. Оппозиция почтенного эллиниста не оказала, к счастью, никакого влияния. Вирхов не только получил аттестат зрелости, но имя его было занесено первым в список восьми окончивших вместе с ним, в марте 1839 года, курс в кеслинской гимназии. Не мешает заметить, что Вирхову тогда было 17 с половиной лет.

Из учащего персонала кеслинской гимназии особенно благотворное и развивающее влияние на своих учеников оказывал талантливый преподаватель истории, Бухер. Благодаря ему в Вирхове рано развился интерес к истории, которою он занимался с увлечением. Под влиянием такого увлечения, по всей вероятности, в юноше уже открылась та жилка общности, которая впоследствии была такой сильной струей в «кабинетном» ученом, занявшем видное место в рядах членов берлинского муниципалитета и прусского парламента.

Уже на гимназической скамье Вирхов решил посвятить себя изучению медицины и еще до окончания гимназического курса подал заблаговременно заявление о принятии его в число воспитанников медико-хирургического института Фридриха-Вильгельма.

Весну и лето по окончании гимназии Вирхов провел на родине. Он воспользовался, между прочим, этим свободным временем, чтобы изучить, без всякой посторонней помощи, итальянский язык. Вообще, у Вирхова была большая склонность и замечательная способность к изучению языков. Будучи в последнем классе гимназии, он аккуратнейшим образом посещал уроки еврейского языка и при выпуске, хотя уже знал, что посвящает себя медицинским наукам, сдал даже экзамен по еврейскому языку, – экзамен, имевший значение лишь для будущих богословов.

Осенью 1839 года Вирхов покинул родной город и отправился в столицу, в Берлин, для поступления в медико-хирургический институт.

Медико-хирургический институт Фридриха-Вильгельма в Берлине был учрежден в самом конце XVIII века с целью подготовки дельных врачей для прусской армии. Институт этот устроен по образцу высших военно-учебных заведений, воспитанниками его были казеннокоштные, которые жили в самом институте. В течение четырехлетнего курса они слушали

лекции профессоров берлинского медицинского факультета наравне со студентами университета. В институте имелись прекрасный анатомический музей, музей по военно-полевой хирургии, музей хирургических инструментов и аппаратов, физический и химический кабинеты, собрание фармакологических (лекарственных) препаратов, а также, что особенно важно, чрезвычайно богатая медицинская библиотека, содержащая около 50 тысяч томов. Состоящие при институте военные врачи занимаются с воспитанниками в качестве репетиторов. Благодаря всему этому, медико-хирургический институт дает полную возможность несостоятельным молодым людям получать прекрасное медицинское образование. Из этого института вышла целая фаланга корифеев немецкой медицины. Мы назовем лишь сотоварища Вирхова, Гельмгольца, знаменитого физиолога и физика, Лейдена, профессора внутренних болезней в Берлинском университете, и Нотнагеля, занимающего ту же кафедру в Вене.

В то время во главе медико-хирургического института стоял Вибель, «старик Вибель», как его все называли. Это был, по определению Вирхова, «человек умеренного знания, но с большим тактом, у которого сердце было на надлежащем месте». Специально следить за учебною частью и руководить занятиями воспитанников лежало на обязанности помощника начальника института, Гримма. Последний отличался широтою взгляда, умел подмечать особые способности каждого воспитанника в отдельности и соответственно направлять их.

Уже вскоре по принятии Вирхова в число воспитанников института Гримм обратил внимание на выдающиеся способности новичка и на то увлечение, с каким наш юный медик отдался изучению своей науки.

В то время немецкая медицина вступала в новую фазу. Китайская стена, отделявшая немецкую медицину от французской и английской с их положительным направлением, – стена, создавшаяся благодаря преклонению немцев перед различными философскими системами, – наконец рухнула. Последней философской системой, подчинившей своему влиянию медицину, было учение Шеллинга – его натурфилософия. Выдающиеся представители естествознания и медицины первой четверти XIX столетия встали под знамя натурфилософии. Этому увлечению способствовал в значительной степени идеализм учения Шеллинга, который проповедовал высокие взгляды на задачи науки и жизни. Немецкий историк медицины Гезер видит даже известную связь между национальным возрождением Германии и широким распространением натурфилософии. Блестящий период этого учения как раз совпал с войнами за освобождение, и «самые лучшие и светлые личности среди немцев

принадлежали к провозвестникам натурфилософии». Свою систему натурфилософская школа медицины строила на основах Шеллинговой философии; для нее логическая гипотеза являлась вполне законным эквивалентом наблюдения. Следуя по такому пути, эта пресловутая «философия природы» дошла до таких фантастических измышлений, где уже не оставалось и следа ни природы, ни философии. Такие крайности, естественно, вызвали реакцию. Немецкие врачи поняли, что союз с подобной философией бесплоден. Они поняли, что медицину, эту науку о человеке, о живом организме, нельзя изучать по мертвым книгам, что теории и фантазии, созданные в тиши кабинета, должны уступить место действительности и фактам, что живительные источники медицины следует искать в естественных науках. Наблюдение, как его понимает естествознание, – вот девиз так называемой естественноисторической школы, сменившей прежнюю натурфилософскую. Французская медицина приняла такое направление гораздо ранее, и новой медицинской школе в Германии оставалось перенести на свою почву научные приобретения соседей. Действительно, с этого момента в немецкие клиники широкою волною вливается точный метод клинического исследования, как он практиковался у французов и англичан. Конечно, «естественноисторическая» школа не могла сразу стряхнуть с себя туман натурфилософии, эту неудержимую страсть к поспешным обобщениям и к сомнительной систематизации. Теоретическое здание медицины покоилось еще в значительной степени на гипотезах и аналогиях.

В развитии немецкого здравоохранения новая школа послужила переходом от натурфилософского к современному естественнонаучному воззрению на медицину. В описываемую нами эпоху заря естественнонаучной эры в медицине уже занималась для Германии. Естественнонаучный метод в полном объеме, со своими могучими рычагами – наблюдением и опытом, – стал применяться немецкими медиками. Пережить все эти стадии им пришлось в сравнительно короткое время.

Мы застаем Вирхова на студенческой скамье, когда победа была далеко еще не на стороне новых течений. Борьба велась по всей линии, Sturm- und Drangperiode немецкой медицины еще далеко не закончился.

Среди профессоров Берлинского университета были именно те два представителя медицинской науки, которые играли первостепенную роль в возрождении немецкой медицины, – знаменитый физиолог Иоганн Мюллер и гениальный клиницист Шенлейн, глава естественноисторической школы. Благодаря этому счастливому обстоятельству Вирхов мог из первых рук

ознакомиться с новыми научными течениями. Ему не пришлось сожалеть, что, прикрепленный как воспитанник медико-хирургического института к Берлину, он был лишен возможности следовать похвальному и полезному обычаю немецких студентов, которые, не ограничиваясь пребыванием в каком-либо одном университете, стремятся побывать в течение университетского курса в нескольких университетах, чтобы послушать в каждом профессоров-корифеев по различным отраслям соответствующего цикла наук.

В жизни каждого образованного человека не проходят бесследно те впечатления, которые он пережил на университетской скамье, то влияние или, вернее, те влияния, которые оказывают на свою аудиторию выдающиеся профессора. Для будущих ученых эти влияния часто определяют направление и характер дальнейшей самостоятельной научной деятельности. К научному деятелю можно с полным правом применить известную французскую поговорку, несколько перефразировав ее, а именно: «Скажи мне, кто твои учителя, и я тебе скажу, кто ты».

Кто же были учителя Рудольфа Вирхова?

Из университетских преподавателей на научное развитие молодого Вирхова имели особенное влияние Иоганн Мюллер – «один из величайших биологов всех времен», как его впоследствии характеризовали, и затем клиницист-терапевт Шенлейн – «гениальный врач, соединивший реальное направление со смелыми теориями», по определению нашего великого хирурга-мыслителя Пирогова.

Сын сапожника в Кобленце, Иоганн Мюллер при весьма неблагоприятных условиях прошел университетский курс на медицинских факультетах Бонна и Берлина. Будучи студентом лишь четвертого семестра, даровитый 19-летний юноша получил медицинскую премию Боннского университета за экспериментальную работу по эмбриологии. В Берлине, под влиянием профессора анатомии и физиологии Рудольфи, Мюллер так радикально отрезался от воспринятых им в Бонне натурфилософских склонностей, что позднее жег все, какие ему только попадали в руки, экземпляры своих первых работ. Участие и поддержка влиятельного члена прусского министерства народного просвещения дали Мюллеру возможность по окончании курса спокойно заняться дальнейшими научными работами. Вскоре Мюллер получил профессуру в Боннском университете, откуда не совсем обыкновенным путем перешел в Берлин. Когда в 1833 году в Берлинском университете освободилась кафедра анатомии и зашла речь о том, кого назначить, министр народного просвещения совершенно неожиданно получил заявление от боннского

профессора И. Мюллера. В своем письме Иоганн Мюллер *требовал*, чтобы освободившаяся кафедра была предоставлена ему как наиболее соответствующему кандидату; только одному человеку готов он был уступить, а именно знаменитому в то время патологоанатому Иоганну Фридриху Меккелю. Это знаменитое письмо, переданное министру все тем же покровителем Мюллера – членом министерства, дышало самою чистою любовью к науке и глубоким чувством собственного достоинства; оно произвело на министра очень сильное впечатление, и Мюллер занял кафедру в Берлине.

Гениальный ум ученого, обладавшего необычайною широтою взгляда и обширнейшими сведениями по всем биологическим наукам, оригинальный и в высшей степени самостоятельный характер и, наконец, совершенно особенная, импонирующая внешность, напоминавшая внешность римского воина, – все это в Мюллере действовало неотразимо на его слушателей. Наш знаменитый хирург, Н. И. Пирогов, учившийся в это же время в Берлине, говоря о Мюллере, также останавливается на его облике. «Лицо Иоганна Мюллера, – пишет Пирогов, – поражало вас своим классическим профилем, высоким челом и двумя межбровными бороздами, придававшими его взгляду суровый вид и делавшими несколько суровым пронизательный взгляд его выразительных глаз. Как на солнце, неловко было новичку смотреть прямо в лицо Мюллера».

Иоганн Мюллер не был главою научной школы в обыкновенном смысле этого слова. Он не возводил своих взглядов на непогрешимые догматы, обязательные для его учеников как последователей известной школы. «Не существует, – говорил Вирхов впоследствии (1858), – школы Мюллера в смысле догматов, так как он не преподавал их – но лишь в смысле метода. Естественнаучная школа, которую он образовал, не знает общности известного учения, а лишь общность твердо установленных фактов и еще того более – общность метода». Этот метод – «точный», естественнонаучный метод, который зиждется на наблюдении и опыте и который ставит своею задачей – твердое установление фактов. «Один человек, – заявляет Гельмгольц в своей прекрасной речи «Мышление в медицине» («*Das Denken in der Median*»), – по преимуществу придал нам энтузиазм к работе в истинном научном направлении, а именно – физиолог Иоганн Мюллер. Все теории были для него лишь гипотезами, которые подлежат испытанию путем фактов и о которых решают единственно и только единственно одни факты».

Из знаменитого физиологического триумвирата учеников Мюллера – Гельмгольца, Брюкке и Дюбуа-Реймона – последний рисует нам в живых и

симпатичных красках, как учил и как влиял на своих учеников Иоганн Мюллер.

«Как сам он, – пишет Дюбуа-Реймон, – всюду стоял на собственных ногах, так и от учеников своих требовал, чтобы они умели сами себе помочь. Он ставил задачи и давал толчок; в остальном он довольствовался, употребляя химическое сравнение, некоторого рода каталитическим воздействием. Большого и не требовалось. Он действовал так, как, по выражению Гёте, действует красота, – одним лишь своим присутствием. Его окружало, в глазах учеников, какое-то демоническое очарование, как Наполеона I в глазах его воинов, и *«Soldats, l'Empereur a l'oeil sur vous»*^[1] было достаточно и для нас, чтобы возбудить в нас высшее напряжение сил. Если я пытаюсь анализировать это очарование, то оно, мне кажется, лежит в том, что всякий, кто был вблизи его, испытывал, сознательно или бессознательно и каждый по-своему, увлекающее влияние могучей личности, которая сама, поступаясь всякими иными соображениями, всякими жизненными наслаждениями, всякими удобствами, – преследовала идеальную цель с серьезностью, которая граничила с угрюмостью и со всепобеждающею страстностью. Высшею же наградой для нас было, когда Мюллер забывался на миг, оставлял свою суровую серьезность и пускался в общечеловеческие разговоры и шутки. Мюллер воздерживался от воздействия на ход возбужденных им исследований, зато он и предоставлял своим ученикам самую широкую свободу в их развитии и склонностях. Он уважал всякую самостоятельность. Этим объясняется, что среди его учеников именно те, кто проводил далее его наиболее характерные стремления в физиологии, могли находиться в глубоком и открыто выраженном противоречии с ним, причем на взаимные отношения, установившиеся между Мюллером и ими, это никогда не бросало малейшей тени. Таким образом, Мюллер, нисколько не стараясь о том, никогда ни устно, ни письменно не выставляя себя учителем, никогда не употребив, слово «ученик», на самом деле и поистине основал не одну лишь, а несколько школ исследования органической природы, соответственно своей собственной многосторонности. Школы Мюллера, продолжая работать в совершенно различных направлениях, не имеют ничего общего, кроме того, что огонь, который они берегут и поддерживают, впервые показался из его горна, что все эти школы вопрошают природу в его смысле».

Как все действительно выдающиеся ученые, любящие свою науку, Иоганн Мюллер, в общем, крайне сдержанный, охотно шел навстречу всякому проявлению интереса и любви к науке со стороны своих

слушателей. С дальновидностью, присущей великим умам, он узнавал наиболее способных к научным исследованиям. Вирхов принадлежал к тем немногим избранным *par excellence*, которых Мюллер особенно приблизил к себе и с которыми состоял в непосредственном личном общении. Установившиеся на студенческой скамье отношения Вирхова с его «незабвенным учителем» перешли впоследствии в дружбу, не прерывавшуюся до самой смерти Мюллера. «Немногим, как мне, – говорит не без справедливой гордости Вирхов, – выпало на долю в каждой важной стадии своего научного развития видеть себя подле нашего учителя. Его рука направляла первые шаги новичка, его устами как декана мне присуждена была докторская степень, его теплый взгляд встречал я, когда, опять-таки в его деканство, читал мою первую публичную лекцию как приват-доцент. Из большого числа его учеников я единственный был призван, по его собственному предложению, занять место рядом с ним в тесном кругу факультета, и мне он добровольно предоставил важную область своих исконных владений».

Другой университетский преподаватель, оказавший на студента Вирхова сильное влияние, был профессор внутренних болезней – Шенлейн. Если Иоганну Мюллеру принадлежит высокая заслуга восстановления в основной медицинской науке, в физиологии, державных прав строго научного наблюдения и эксперимента, – прав, попорченных различными философскими школами, то Шенлейн, в свою очередь, занял одно из самых выдающихся мест среди германских клиницистов, введя в германскую клиническую медицину более точные способы исследования, в основе которых лежат естественные науки – физика и химия. В клинике Шенлейна впервые в Германии стали применять постукивание и выслушивание. В то время, когда в других германских клиниках сердечные и легочные страдания еще определяли по пульсу и иным так называемым «рациональным» симптомам, Шенлейн стремился путем точного исследования выяснить состояние самих органов. При помощи микроскопа и химических реактивов он исследовал болезненные выделения, кровь и ткани. Изменения в органах, найденные при вскрытиях, он приводил в связь с клинической картиною болезни, как она наблюдалась при жизни. Данные секционного стола он талантливо применял у постели больного в целях возможно более точного диагноза. «Патологическая анатомия, – говорит Вирхов о Шенлейне, – стала основой его диагностики, а последняя – основой его славы». А слава Шенлейна гремела по всей Германии и далеко за ее пределами. Клиника Шенлейна, сперва в Вюрцбурге, затем в Цюрихе и, наконец, в Берлине, являлась настоящей Меккой для студентов и

врачей, которые стекались на его лекции со всех сторон. Здесь не последнюю роль играло еще и то, что Шенлейн излагал свои лекции в чрезвычайно увлекательной и живой форме. Он понимал истинное значение «живого слова» учителя и громадное преимущество его перед «мертвою буквою» книги. Этим, может быть, отчасти объясняется, почему Шенлейн так мало писал. Лекции его неоднократно издавались его слушателями, – что, ввиду неизбежных искажений, доставляло Шенлейну больше огорчения, чем удовольствия, и переводились на иностранные языки. Товарищ Пирогова по профессорскому институту в Дерпте, профессор Московского университета Г. И. Сокольский, бывший слушателем Шенлейна в Цюрихе, издал его лекции (в 1841 году) на русском языке. Между тем сам Шенлейн за сорок лет своей профессорской деятельности напечатал две статьи, занимающие вместе не более трех печатных страниц. И это в Германии, ученые которой отличаются изумительной плодовитостью! Всё же, по справедливому замечанию Пирогова, «немногие из передовых деятелей медицинской науки заслужили себе такое имя, как Шенлейн, не оставив после себя ни одного сочинения, кроме небрежно составленных учениками лекций». К прискорбию многих «ученых», история науки в своей оценке не принимает совершенно в расчет торгового веса напечатанных сочинений.

Шенлейн перешел в Берлин из Цюриха на Пасхе 1839 года, как раз тогда, когда Вирхов окончил курс гимназии.

«Так как я, – говорит Вирхов, – изучал медицину в Берлине, то я и имел счастье слушать нового профессора еще в его самую светлую пору, и с благодарностью признаю, что он оказал на меня громаднейшее влияние».

На Вирхова, которого с основными медицинскими науками – анатомией, физиологией и патологической анатомией, будущей его специальностью, – познакомил Мюллер, и который проникся до мозга костей естественнонаучным направлением последнего, такой клиницист, как Шенлейн, и только такой клиницист мог и должен был оказать громадное влияние. В Шенлейне Вирхов видел как бы второго Мюллера, но Мюллера, перешедшего из лаборатории в клинику, к постели больного.

Теоретические лекции по частной патологии и терапии (по внутренним болезням) Вирхов слушал у Шенлейна в 1841/42 учебном году. Он сам записывал за профессором и вел эти записки со всевозможной тщательностью. Еще в 1865 году Вирхов сохранял эти записки. Практикантом в клинике Шенлейна Вирхов был в течение зимнего семестра 1842/43 года.

В последний год своего студенчества, летом 1843 года, Вирхов

исполнял обязанности младшего ординатора в глазной клинике профессора Юнгкена. Это обстоятельство послужило ему поводом взять темой докторской диссертации вопрос из области глазных болезней.

21 октября 1843 года состоялась публичная защита Виrhовым представленной им диссертации «*О воспалении преимущественно роговицы*» под председательством декана медицинского факультета Иоганна Мюллера.

Уже в этой первой ученой работе ярко обнаружилось, насколько Виrhов проникся новым естественнонаучным направлением в медицине. Во введении к своему труду молодой ученый высказывает сожаление, что к изучению глазных болезней не применили еще тех методов, которыми медицина в новейшее время обязана естественным наукам. Чтобы оценить по достоинству всю вескость и справедливость этого упрека, следует вспомнить, какой переворот в офтальмологии произвело впоследствии изобретение (в 1851 году) Гельмгольцем глазного зеркала, – прибора, давшего возможность непосредственно наблюдать внутренность глазного яблока (глазное дно). Благодаря далее применению законов физической оптики к изучению строения и работы нашего органа зрения, другими словами, благодаря разработке физиологической оптики офтальмология стала одною из наиболее законченных и изящных страниц медицинских знаний. Проникнутый идеями своих учителей, Мюллера и Шенлейна, Виrhов с грустью замечает, что естественнонаучные способы исследования не находят себе применения именно в той области медицины, где они наиболее уместны.

Виrhов оказался учеником не только талантливым и убежденным, но и благодарным к памяти своих великих учителей. И Мюллеру, и Шенлейну Виrhов посвятил впоследствии две прекрасно написанные речи.

Глава II

Королевская больница Charité в Берлине. – Virхов – ассистент при больнице Charité.– Прозектор Charité, профессор Фрорип – руководитель Virхова. – Virхов – прозектор Charité.– Первый курс, читанный Virховым. – Приват-доцентура. – Кружок берлинских патологоанатомов. – Основание «Архива патологической анатомии и физиологии и клинической медицины». – Командировка Virхова на эпидемию тифа в Верхнюю Силезию. – «Сообщение о господствующей в Верхней Силезии эпидемии тифа»

Среди медицинских учреждений прусской столицы самое выдающееся место, бесспорно, занимала и продолжает занимать «Королевская больница Charité», служащая одновременно и лечебным, и учебным целям. Это – громадный госпиталь, с числом кроватей свыше 1800, который постепенно разросся из бревенчатого барака, выстроенного ввиду надвигавшейся на Берлин чумы в 1710 году. Будучи больницей преимущественно для бедного населения Берлина, Charité тесно связана, с одной стороны, с университетом, а с другой – с медико-хирургическим институтом Фридриха-Вильгельма. Здесь сосредоточен целый ряд клиник, которыми заведуют университетские профессора; их ближайшими помощниками являются приват-доценты и старшие военные врачи. Для исполнения же обязанностей младших ординаторов медико-хирургический институт ежегодно прикомандировывает к Charité на годичный срок 30 военных врачей, только что окончивших курс в институте.

Вот в этой-то больнице Charité Virхов и начал свою научную деятельность.

Новое направление в клинической медицине вызвало у заведующих клиниками Charité потребность иметь в своем распоряжении особое лицо, на обязанности которого лежало бы производить специальные исследования и анализы, микроскопические и химические, для целей клиники, главным образом, для постановки возможно точного диагноза. По указанию Гримма, военно-медицинское управление, от которого зависело в первой инстанции замещение новой должности, предложило в кандидаты лишь недавно получившего докторский диплом Virхова. Назначение Virхова встретило было противодействие со стороны одного из

клиницистов Charité, Шенлейна, пожелавшего для своей клиники выбрать лицо по своему усмотрению. В результате, осенью 1844 года, Вирхов и был назначен «научным ассистентом» при прочих клиниках Charité, за исключением клиники Шенлейна. Вместе с тем, он принял на себя обязанности ассистента при патологоанатомическом институте Charité в помощь прозектору, профессору Роберту Фрорипу.

Клинические занятия Вирхова вскоре отошли на второй план, так как Вирхов весь отдался изучению патологической анатомии – своей будущей специальности, отрасли медицинских знаний, с которой вот уже более полувека неразрывно связано великое имя Рудольфа Вирхова.

В лице Фрорипа Вирхов встретил дельного и толкового руководителя, стоявшего на переднем плане науки. Фрорип принадлежал к тому симпатичному типу научных тружеников, которые охотно делятся своим опытом и знаниями со всяким, в ком видят интерес к их специальности. Заметив в своем новом ассистенте стремление основательно ознакомиться с патологической анатомией, Фрорип указывал Вирхову темы для исследований, побуждал его к научным работам и даже способствовал их опубликованию, гостеприимно открыв молодому ученому страницы своего журнала. Вирхов вполне понимал и высоко ценил то значение, которое имело для него руководство Фрорипа. Много лет спустя (1855 год) он посвятил Фрорипу, как благодарное воспоминание, сборник своих ранних медицинских статей.

Весною 1846 года Фрорип оставил прозектуру в Charité и указал на Вирхова как на самого достойного кандидата. С момента ухода Фрорипа Вирхов временно исправлял должность прозектора, а затем был и утвержден, не без некоторых, впрочем, затруднений. Замещение должности прозектора Charité уже не имело никакого отношения к военно-медицинскому ведомству и всецело зависело от министерства народного просвещения, так как прозектура представляла для берлинского медицинского факультета как бы вспомогательную практическую кафедру по патологической анатомии. Прозектор Charité, в звании приват-доцента или профессора, читал демонстрационные лекции студентам и врачам.

Затруднения, о которых мы упомянули, возникли ввиду сильного противодействия со стороны очень влиятельного лица в министерстве. Этим лицом был опять-таки Шенлейн, голос которого как члена-докладчика совета министерства имел решающее значение в вопросе о замещении прозектуры. Шенлейн отдавал предпочтение другим кандидатам, но, наконец, решился уступить. «Однажды, – рассказывает Вирхов, – он пригласил меня к себе и сказал, что теперь он дал министру

совет назначить меня. К этому он добавил, что ждет от меня самого лучшего и что из его образа действий я могу заключить, что для него всегда важно само дело, а не лица». Такому повороту дела немало способствовала горячая рекомендация Фрорипа, которой, по собственным словам Вирхова, он «существенным образом обязан, что ему, новичку, была поручена прозектура больницы Charité, и тем было открыто поле деятельности как нельзя более для него благоприятное».

Уже на первых порах своей самостоятельной научной деятельности, еще в качестве временно исполнявшего обязанности прозектора Charité, «новичок» Вирхов блестяще оправдал рекомендацию Фрорипа и ожидания Шенлейна. Летом того же 1846 года он уже читал практический курс патологической анатомии кружку молодых врачей, проникнутых новыми медицинскими веяниями. Со справедливой гордостью говорил впоследствии Вирхов о своих первых слушателях, что почти ни один из них не остался на уровне посредственности.

С назначением Вирхова прозектором взаимные отношения его и Шенлейна приняли действительно самый дружественный характер. В качестве прозектора Вирхов производил клинические вскрытия. Шенлейн, который почти всегда присутствовал на вскрытиях, иногда в полном параде, собираясь во дворец как лейб-медик, принимал живейшее участие в исследованиях и всегда готов был признать какое-либо новое указание или наблюдение со стороны своего бывшего ученика. Впоследствии, живя в отставке в своем родном городе Бамберге, Шенлейн, принося бамбергской городской библиотеке в дар какое-либо сочинение Вирхова, всегда прибавлял с особым ударением: «Он был *моим* прозектором».

Летом 1847 года Вирхов вступил в ученую корпорацию медицинского факультета Берлинского университета, получив звание приват-доцента. Во главе факультета стоял тогда Иоганн Мюллер, занимавший председательское кресло в качестве декана, когда наш молодой ученый читал свою первую публичную лекцию, предметом которой он избрал малоизученный вопрос о воспалении мышц.

Вокруг нового прозектора Charité, располагавшего самостоятельно богатым и разнообразным патологоанатомическим материалом, вскоре сгруппировался небольшой кружок молодых ученых. Все они, подобно Вирхову, были горячими приверженцами естественнонаучного направления в медицине и видели в патологической анатомии и экспериментальной патологии основы правильных медицинских воззрений. С двумя из этого кружка Вирхов особенно сошелся, а именно с Рейнхардтом и Леубушером. И тот, и другой стали вскоре соредакторами Вирхова в основанных

последним двух повременных изданиях.

Контакт Вирхова с Рейнхардтом возник первоначально на почве научных исследований. Большое соответствие в основных воззрениях на науку и жизнь сблизило их еще более, а затем это сближение перешло в тесную дружбу. Они сходились почти ежедневно, и зачастую их горячие беседы затягивались далеко за полночь. Работая с увлечением в новом направлении, оба они желали доставить новому естественнонаучному направлению полную и быструю победу. Могучим средством для этого могло служить основание собственного научного органа. Особенно ратовал за основание нового самостоятельного журнала пылкий Рейнхардт, в котором, как и в Вирхове, было живо стремление к борьбе с научной рутинной и ее представителями, еще наполнявшими ряды медицинских факультетов.

«Точные исследования» молодых берлинских патологоанатомов не находили себе приюта в существовавших тогда медицинских журналах, во главе которых стояли люди старого направления. Один журнал, например, находил работы Вирхова слишком химическими и соглашался печатать их, лишь сократив и урезав. Редакция другого журнала вернула нашему автору его работы и в отказе преподала ему еще разные доброжелательные советы.

Получение Вирховым прозекутуры в Charité окончательно побудило обоих друзей приступить к осуществлению давно задуманного. Вирхов и Рейнхардт решили основать свой орган. Но для журнала, кроме умственного труда, нужен и капитал; кроме редактора, нужен еще и издатель. Благодаря «комбинации счастливых обстоятельств» последний вскоре нашелся. К кружку Вирхова в это время примкнул Зигфрид Реймер, берлинский врач для бедных, бывший, правда, несколько старше Вирхова и его друзей, но преданный всей душой новому движению. Он-то и убедил своего брата, книгопродавца Георга Реймера, взять на себя издание нового журнала. Предприятие представлялось несколько рискованным. Вирхов и Рейнхардт, будущие редакторы, были «молоды и почти неизвестны» в широких слоях медицинской публики. Для задуманного ими журнала, в котором предполагалось помещать лишь оригинальные, самостоятельные статьи, едва ли существовали сотрудники. С другой стороны, конкуренция была велика, так как недостатка в медицинских периодических изданиях не было. Новый орган выступал с новыми идеями, а потому должен был создать себе и новый круг читателей. Дело шло ведь о том, чтобы «начать борьбу за принципы и методы против школ и авторитетов». Редакторы наши, однако, не унывали и с твердою верою в собственные силы и в честное дело приступили к изданию. В 1847 году вышла 1-я книжка

«Архива патологической анатомии и физиологии и клинической медицины» под редакцией Вирхова и Рейнхардта.

«Иной журнал, – писал впоследствии Вирхов, – возникает благодаря спекуляции книгопродавца, благодаря отсутствию занятий и доходов у редактора, благодаря честолюбию видеть себя во главе периодического издания, или небескорыстному стремлению достичь высокого и влиятельного положения. Работаешь, конечно, тогда и сам, но еще охотнее предоставляешь другим за себя работать. Редактор заполняет мелкими статейками пробелы, ведет смесь и пишет фельетонные заметки или просто перепечатывает диссертации и другие статьи и со всем комфортом забирает деньги и славу; тяжелая же работа с незначительным вознаграждением или даже без всякого вознаграждения предоставляется сотрудникам».

Ничего подобного не было при возникновении нового журнала. Редакция, конечно, преследовала цель приобрести при посредстве «Архива...» влияние, но оба редактора «находились в том счастливом времени жизни, когда обладаешь незначительными потребностями, горячей жаждой созидательной деятельности, а потому и большим самопожертвованием, и когда влияние в науке ценишь несравненно выше личного или официального влияния».

В первых книжках нового органа появились работы преимущественно берлинских патологов, но уже вскоре под научное знамя Вирхова стали многие выдающиеся молодые ученые, как германские, так и заграничные. «Вирховский Архив», как теперь всюду называют это издание, стал международным медицинским органом и в настоящее время уже обнимает 150 томов. Перу Вирхова в его «Архиве» принадлежит свыше 200 научных работ и руководящих статей. С 1852 года, со смертью Рейнхардта, редакция всецело перешла к Вирхову.

Имя Вирхова быстро приобрело заслуженную и почетную известность в научном мире. Большой публике, однако, оно стало известно впервые лишь по поводу его командировки в Верхнюю Силезию на эпидемию тифа.

В самом начале 1848 года в прусских газетах стали все чаще и чаще появляться корреспонденции о господствующей в Верхней Силезии эпидемии. Между тем прусское министерство народного просвещения, ведающее и духовными и медицинскими делами, не получало от местных медицинских управлений ни отчетов о природе этой болезни, ни даже донесений об ее существовании. Когда же пресса наполнилась все более и более ужасными подробностями об этом голодном тифе, когда уже по всей Германии пронесся крик о помощи гибнущим от голода и эпидемии жителям Верхней Силезии, когда, наконец, даже министерство внутренних

дел сочло необходимым выйти из своего обычного равнодушия к положению окраин, тогда только министр народного просвещения решил принять меры. Он возложил на высшего медицинского чиновника своего министерства доктора Бареца поручение «отправиться в Верхнюю Силезию, чтобы ближе ознакомиться с вспыхнувшей там эпидемией тифа и с принятыми против нее мерами, а также оказать содействие советом и делом распорядительным и исполнительным властям повсюду, где это ему покажется нужным». Министр внутренних дел колебался, однако, дать Барецу полномочия для действительного вмешательства в дело. Кроме административной стороны вопроса, министр народного просвещения желал, чтобы эпидемия была изучена и в строго научном отношении. Для этого требовалось командировать какое-либо компетентное лицо. Выбор пал на прозектора Charité, доцента Вирхова.

18 февраля 1848 года Вирхов получил от министра поручение отправиться в пораженные тифом местности. «Барец, – говорилось в предписании Вирхову, – будет слишком занят, чтобы иметь достаточно досуга подвергнуть эпидемию ближайшему исследованию в интересе науки; между тем, для вверенной министру народного просвещения части врачебного управления важно, чтобы природа выступившей с такой страшной силою эпидемии была и в научном отношении исследована возможно основательным и обещающим успех образом». Это-то исследование и было возложено на Вирхова.

19 февраля вечером, накануне своего отъезда в Силезию, Вирхов зашел проститься к своему любимому учителю и другу, Иоганну Мюллеру. Великий физиолог был поражен тем, что Вирхов намерен подвергнуть себя всем опасностям голодного тифа. На это молодой ученый резонно возразил, что, ввиду угрожающей близости французской революции, и сидя дома нельзя знать, как сложатся обстоятельства.

20 февраля Вирхов и Барец отправились в путь. Объехав в сопровождении Вирхова различные округа, пораженные эпидемией, Барец 29 февраля отправился обратно в Берлин. Вирхов же, пробыв в одном городке, где был устроен лазарет, до 7 марта, затем еще раз посетил наиболее пораженную местность и к 10 марта вернулся в Берлин.

Уже 15 марта Вирхов представил берлинскому Обществу научной медицины свои знаменитые «*Сообщения о господствующей в Верхней Силезии эпидемии тифа*». «Сообщения» эти, появившиеся затем в его «*Архиве*» и вышедшие также и отдельным изданием, занимают ни более ни менее как 180 печатных страниц!

Вирхов широко понял возложенное на него поручение, может быть,

даже шире, чем это было желательно посплавшим его. Он действительно изучил «*природу эпидемии*» возможно основательным и обещающим успех образом. Посылая для изучения эпидемии такого узкого специалиста, каким мог и должен был быть в глазах министерства прозектор Charité, правительство, вероятно, ожидало, что получит сухой медицинский отчет о числе заболеваний, о появлении и ходе эпидемии, об интенсивности самого заболевания, его клинической и патологоанатомической картине и его лечении. Все это, конечно, нашло себе должное место в «*Сообщениях*» Вирхова, но в целом последние представляют прекрасный, горячо написанный социально-экономический очерк, рисующий безотрадное состояние целой провинции, население которой страдало и гибло вследствие невежества, нищеты, голода и эпидемий. Это – полный обвинительный акт против безгранично царившего тогда в Пруссии самодовольного и сухого бюрократизма.

В своих замечательных «*Сообщениях*» Вирхов прежде всего знакомит нас со страной и жителями. Последние поразили столичного ученого низкой степенью своей культуры или, вернее говоря, полным отсутствием всякой культуры: никакого ухода даже за своим телом, полная физическая и умственная апатия. «Верхнесилезец, – замечает Вирхов, – вообще совершенно не моется, а предоставляет небу время от времени сильными ливнями освободить его тело от скопившихся на нем корок грязи». В этом смысле верхнесилезцы прекрасно иллюстрировали мнение Бокля о соотношении между количеством потребляемого мыла и степенью культуры.

Справедливо видя в низкой культуре силезцев основную причину господствующих среди них эпидемий, главный причинный, этиологический, выражаясь медицинским языком, момент, автор «*Сообщений*» и старается выяснить те условия, многовековая конкуренция которых привела к такому печальному положению вещей.

Почти семь веков население Верхней Силезии, оторванное от родного ему польского народа, не принимало участия в историческом развитии последнего. С другой стороны, сохранив польский язык, верхнесилезцы ничего не восприняли от германской культуры из-за отсутствия какого-либо связующего звена. Лишь в позднейшее время стали предпринимать опыты германизации при помощи школ, но уже средства, к которым обратилось правительство для этой цели, заключали в себе гарантию своего бесплодия. «Посылали, – пишет Вирхов, – в польский край немецких школьных учителей с самым ограниченным, насколько это было возможно, образовательным цензом, и предоставляли затем наставнику и его

ученикам познакомить друг друга с их родными языками. Результатом было обыкновенно то, что учитель в конце концов научался польскому языку, а не ученики – немецкому. Вместо того, следовательно, чтобы распространился немецкий язык, получал скорее перевес польский». Едва ли какая-нибудь иная книга, кроме молитвенника, была доступна народу. Таким образом, «стало возможным, что здесь существует свыше полумиллиона людей без всякого самосознания своего развития как народности, без всякого следа истории культуры, так как они, что ужасно, лишены развития, лишены культуры». Другим тормозом культурного роста являлась католическая иерархия, окончательно поработившая несчастное население Верхней Силезии: патер – неограниченный властелин этого народа, который покорен ему, как толпа крепостных. Ввиду своего влияния духовенство могло бы, если бы только пожелало, легко поднять народ до известного уровня развития. «Но в интересе матери-церкви, – говорит Вирхов, – поддерживать в народе ханжество, глупость и порабощение; Верхняя Силезия представляет лишь новый пример в длинном ряду старых, среди которых на первом месте стоят Испания, Мексика и Ирландия».

Что касается бюрократии в лице местных властей, то ее роль в данном случае не столько положительная, сколько отрицательная. Административные власти как бы не признавали всё безотрадное состояние этого несчастного края. Видя ежедневно этот забитый народ, власти Верхней Силезии так притупили свою впечатлительность, стали так равнодушны к его страданию, что, когда наконец помощь бедствующему населению явилась со всех сторон, бюрократия подняла общую жалобу, что *избалуют* народ. «Когда тем, которым нечего, абсолютно нечего было есть, отпускали 1 фунт муки на день, явились опасения, что они избалуются! Можно ли представить себе что-либо ужаснее того, что кто-нибудь избалует на муке, одной лишь простой муке, и что у кого-нибудь могут явиться подобные опасения!» С народа, гибнущего от голода и тифа, взыскивали по-прежнему уплату повинностей и податей! Пренебрегая совершенно интересами несчастных верхнесилезцев, прусское правительство окончательно забросило этот край и, таким образом, сделало невозможным как духовный, так и материальный подъем народа.

Наконец, немалая доля вины в некультурности силезского населения падает на крупных земельных собственников, на помещиков. Ни в одной из восточных провинций Пруссии не было такой богатой земельной аристократии и нигде эта аристократия не соприкасалась так мало с сельским населением. Большинство помещиков тратило свои громадные

доходы в крупных центрах или за границей. При таких условиях о росте благосостояния края не могло быть и речи. Масса сельского населения несла всю тяжесть барщины, работая на помещика 5–6 дней в неделю. Того, что крестьяне вырабатывали со своих наделов, едва хватало на удовлетворение первых потребностей. Чего же можно было ожидать от народа, который целые века в глубокой нищете боролся за свое существование, который никогда не знал такого времени, когда его работа шла в его же пользу, который плод своего пота видел падающим всегда лишь в карманы помещиков? Вполне естественно, что такой несчастный народ вообще совершенно оставил всякую мысль о продолжительном владении, что он научился заботиться не о завтрашнем дне, а только о сегодняшнем. После стольких дней работы, которая производилась лишь для благосостояния других, что было естественнее, если народ свой свободный день употреблял на отдых, на лень, на дрему на своей любимой печке? Что естественнее того, что он производил небрежно работу для помещика, – работу, которая ему ничего не давала, и что требовались особые стимулы, чтобы призвать его к энергической деятельности. Существовал же здесь лишь один стимул – водка, которой народ был страстно предан, в которой он находил источник мимолетного радостного возбуждения.

Но вот в 1846 году барщина была отменена. Народ, забитый и приниженный в течение столетий, – нет, с момента появления своего в истории, – увидел наступление для себя дня личной свободы. Мог ли он приветствовать этот день подобно человеку сильному, сознающему свою свободу? Что мог народ, привыкший посвящать свое свободное время только ничегонеделанию, сделать другого, как не посвятить свои дни, которые теперь все были свободны, все – ничегонеделанию, лени, апатии? Не было никого, кто бы в качестве его друга, его наставника, его опекуна, поддержал его на первых шагах по новому пути, дал указания, руководил; никого, кто показал бы ему значение свободы, самостоятельности, кто научил бы его, что благосостояние и образование – результаты труда, источники счастья.

А между тем, по наблюдениям Вирхова, верхнесилезцы оказались бы способными и к труду, и к умственному развитию, если взять на себя задачу пробудить их дремлющие качества. Народ, каков он теперь, слабый физически и умственно, нуждается в руководстве, в известного рода опеке. Пусть покажут этому народу на примере и собственном опыте, как благосостояние вытекает из труда; пусть научат познать потребности, предоставляя ему наслаждение телесными и духовными благами; пусть его

допустят принять участие в культуре, в великом движении народов – и он не замедлит выйти из этого состояния неволи, порабощения, апатии и дать новый пример силы и подъема человеческого духа. Приступить к решению этой задачи – вот дело, достойное благомыслящего и предусмотрительного государственного деятеля.

«Медицина, – говорит Вирхов, – как социальная наука, как наука о человеке несет обязанность ставить подобные задачи и делать попытки к их теоретическому решению; государственный деятель – практический антрополог – должен находить средства к их решению».

Нарисовав картину социально-экономического строя Верхней Силезии, автор «Сообщений» знакомит нас далее с гигиеническими условиями быта этого народа, с его жилищем и питанием. Картина делается от этого еще мрачнее, если это только возможно.

В дальнейших главах своего очерка Вирхов в полной мере выполняет возложенное на него поручение изучить верхнесилезскую эпидемию в медицинском отношении. Прежде всего он подвергает критике ходячие взгляды на сущность эпидемических болезней, анализирует затем различные мнения о развитии эпидемии и, наконец, обращается к описанию верхнесилезской эпидемии, причем последовательно рассматривает болезненные явления и трупные изменения, статистику заболеваний, природу и ближайшие причины эпидемии.

На вопросе о медицинском лечении эпидемии Вирхов останавливается недолго. Зло было слишком глубоко, чтобы здесь могли помочь микстуры. Опустошительная эпидемия и страшный голод одновременно свирепствовали среди бедного, невежественного и забитого населения. В течение года в одном округе умерло 10 % всего населения, из них 6,5 % – от голода и эпидемий; 1,5 %, по официальным записям, – только от голода. В другом округе в продолжение восьми месяцев заболело 14 % числа жителей тифом, из них умерло 20,5 %; официально установлено, что здесь в продолжение шести месяцев пришлось трети населения выдавать корм. Оба эти округа уже к началу 1848 года насчитывали сиротами около 3 % населения.

Никто не считал бы возможным что-нибудь подобное в государстве, которое, как Пруссия, придавало такое большее значение превосходству своих установлений. Это, однако, оказалось возможным. «Вот стоят, – воскликнул автор «Сообщений», – вне всякого сомнения длинные ряды цифр, из которых каждая в отдельности выражает нужду, полную ужаса нужду». Если нельзя уже было более отрицать всей несметной суммы бедствия, то не следовало и отступить перед неизбежными выводами. Эти

выводы сводятся, по убеждению ученого исследователя верхнесилезской эпидемии, к трем словам: «полная и неограниченная демократия».

«Пруссия, – говорит Вирхов далее, – гордилась своими законами и своими чиновниками. Действительно, чего только не было предусмотрено законом! По закону пролетарий мог требовать средств, обеспечивающих его от голодной смерти; закон гарантировал ему работу, чтобы он мог сам добыть себе эти средства; школы, эти столь хваленые прусские школы, были налицо, чтобы предоставить ему образование, которое было столь необходимо для его сословного состояния, санитарная полиция, наконец, имела прекрасное назначение наблюдать за его жилищем, за его образом жизни. И какое полчище хорошо вышколенных чиновников стояло наготове, чтобы применить эти законы! Как вторгалось это полчище повсюду в частную жизнь, как следило оно за самыми сокровенными отношениями „подданных“, чтобы предохранить их духовное и материальное счастье от слишком высокого подъема, как ревностно опекало оно каждое поспешное или резкое движение ограниченного разума подданных! Закон был налицо, чиновники были налицо, а народ – умирав тысячами от голода и эпидемий. Закон ничему не помог, потому что представлял собою лишь писаную бумагу; чиновники ничему не помогли, потому что результатом их деятельности была опять-таки только исписанная бумага. Все государство стало постепенно бумажным, превратилось в большой карточный дом, и когда народ прикоснулся к нему, карты рассыпались пестрой кучей».

Касаясь мер против эпидемии, Вирхов переносит центр тяжести на «заботу о будущем», на вопрос, как предотвратить в будущем такие порядки, какие он застал в Верхней Силезии. Логический ответ на этот вопрос очень легок и прост: образование с его спутниками – свободой и благосостоянием. Менее легок и прост, однако, фактический ответ, решение этой великой социальной задачи. «Медицина, – говорит наш автор, – незаметно завела нас в социальную область и заставила нас перед необходимостью самих теперь столкнуться с великими вопросами нашего времени. Поймите, для нас дело не идет уже более о лечении того или другого тифозного больного с помощью лекарств, регулирования питания, жилища, одежды; нет, культура 1,5 миллиона наших сограждан, которые находятся на самой низкой ступени нравственного и физического упадка, – вот наша задача».

Здесь паллиативам не место. Здесь нужны радикальные меры, – и автор «Сообщений» требует радикальной реорганизации Верхней Силезии.

Ближайшие практические меры, которые должны быть немедленно

приняты правительством, прежде всего касаются народного образования. Надо поставить народное образование на самых широких началах; надо позаботиться об устройстве хороших школ – элементарных, земледельческих и ремесленных. Необходимо школу совершенно отделить от церкви; обучение должно стать светским, и основой его следует сделать положительное изучение природы. В настоящее время – особенно удобный момент благотворно повлиять на подрастающее поколение. Эпидемия осиротила сотни детей, которые теперь одиноки и совершенно лишены влияния своих приниженных семей. На развитие их следует обратить исключительное внимание прежде всего. Не следует, однако, ограничиваться одними детьми. Взрослое население также надо приобщить к культуре. Самыми подходящими средствами для этого Вирхов считает введение широкого самоуправления в общине и государстве, проведение разумной системы прямых и справедливых налогов, отмену привилегий отдельных личностей и уничтожение феодальных тягот, угнетающих бедные классы, улучшение земледелия, огородничества и скотоводства, улучшение путей сообщений, устройство фабрик и так далее. Вирхов требует от государства, чтобы оно взяло в свои руки организацию труда: на государстве лежит прямая обязанность – обеспечить каждому рабочему возможность человеческого существования. Заботиться о том, чтобы люди могли иметь работу, – это и есть задача государства. Конечно, государство не должно стеснять свободного самоопределения человека; оно должно являться лишь в роли помощника и советника. Главным же образом, необходима ассоциация неимущих, чтобы они путем этой ассоциации могли вступить в ряды пользующихся жизнью, чтобы люди раз и навсегда перестали быть лишь машинами для других. «Весь свет знает, – пишет Вирхов, – что пролетариат нашего времени обусловлен, главным образом, введением и улучшением машин, что в той мере, в которой земледелие, фабричное производство, судоходство и пути сообщения, вследствие усовершенствования их орудий, достигли такого развития, какого никогда нельзя было даже предчувствовать, – в той же мере человеческая сила потеряла всякую автономию и вступила в машинное производство в качестве члена его – члена, правда, живого, но эквивалентного мертвой стоимости. Люди теперь уже ценятся только как „руки“. Но разве люди – только машины в истории культуры народов? Разве триумфы человеческого гения не служат ни к чему иному, как лишь к обездолению рода человеческого? Конечно, нет! Наше столетие открывает собой социальную эпоху, и предметом его деятельности не может быть ничто иное, как стремление свести к возможно меньшему размеру все машинообразное в

человеческой работе, все то, что преимущественно приковывает людей к почве, к грубо-материальному и отвлекает от более тонкого движения материи. Человек должен работать лишь столько, сколько необходимо, чтобы из почвы, из грубого вещества извлечь столько, сколько необходимо для уютного существования всего данного поколения; но он не должен расточать свои лучшие силы на создание капитала. Капитал – это чек на наслаждение; но к чему же этот чек увеличивать в такой степени, которая переходит всякие границы? Увеличивайте наслаждение, а не одну лишь мертвую и холодную возможность его, которая, сверх того, даже по отношению к капиталу не является постоянною, а бесконечно колеблющейся и ненадежной. Французская республика уже признала этот принцип в своем лозунге братства и, по-видимому, собирается, несмотря на всю силу старой буржуазии, осуществить его на деле при посредстве ассоциации. Действительно, ассоциация неимущего труда с капиталом государства, или денежной аристократии, или многих мелких собственников – вот единственное средство для улучшения социального положения. Капитал и рабочая сила должны быть, по крайней мере, равноправны, и живая сила не должна более быть в подчинении у мертвого капитала».

Предлагая для Верхней Силезии такие радикальные средства, как лекарства против возврата голода и страшной тифозной эпидемии, Вирхов не скрывал от себя, что может встретить улыбку на лицах тех, которые «не в состоянии подняться на возвышенные точки зрения в истории культуры». Он был, однако, уверен, что с ним согласятся «серьезные и ясные головы, которые в силах понять свое время». Конечно, даже признавая, что только предложенным в «Сообщениях» путем мыслимо основательное излечение, иные могут прибегнуть к обыкновенному в подобных случаях возражению, что пришлось бы долго ждать наступления нового порядка.

«Им я возражаю, – заканчивает свои „Сообщения“ Вирхов, – что после полного прекращения нынешней эпидемии нельзя ждать скорого появления ее вновь. Поэтому пусть воспользуются предстоящим промежутком времени, чтобы прекрасный и богатый край, который до сих пор, к стыду правительства, был населен несчастными и заброшенными людьми, предохранит путем свободных и национальных установлений от повторения столь ужасных сцен».

Командировка на верхнесилезскую эпидемию сразу перенесла Вирхова из тишины кабинета в сферу самой примитивной борьбы за существование со всеми ужасами нищеты, голода и мора. Из исследователя патологических «препаратов» прозектор Charité обратился в исследователя

патологических социальных отношений; место трупов, над которыми ему приходилось до сих пор работать, заняли живые мертвецы, не понимающие даже того, что они – мертвецы. Для Вирхова здесь шла уже речь не об узконаучных вопросах. Чтобы высказать прямо те выводы, к которым привело нашего ученого изучение верхнесилезской эпидемии, при тогдашнем положении вещей, требовалась, помимо научной добросовестности и логической последовательности, немалая доля и гражданского мужества.

Глава III

1848 год. – Мартовские дни в Берлине. – Издание «Медицинской реформы». – Требования реорганизации врачебного дела. – Столкновение с министерством. – Отрешение Вирхова от должности прозектора Charité. – Приглашение на кафедру в Вюрцбург. – Ученые труды первого берлинского периода

1848 год, «великий год» по мнению одних, «безумный год» по мнению других, который следует считать не с 1 января, а с 24 февраля, с момента учреждения во Франции временного правительства, циклоном пронесся через всю Европу. В 24 дня «великое психологическое движение» потрясло до самых основ весь континент. Оно выдвинуло и открыто поставило все вопросы, которые только способны волновать умы, вопросы государства и церкви, вопросы социальные, экономические, этические и научные. Разрешить все эти вопросы оно, конечно, не разрешило, да этого нельзя было ждать и требовать, но уже одна постановка их в более или менее категорической форме – факт чрезвычайной важности.

В Германии волна революционного движения стремительно неслась с юга на север и вскоре достигла Пруссии. С 6 марта в Берлине начались волнения, наступили великие «мартовские дни». Менее чем через две недели, 18 марта, к прусскому королю Фридриху Вильгельму IV явилась депутация от населения столицы и передала ему требования народа. Фридрих Вильгельм IV изъявил свое согласие даровать конституцию. Но лишь «после того, как чугунные уста пушек тщетно говорили», король действительно уступил «требованиям народа», и демократия могла праздновать победу, стоившую ей жаркой борьбы чуть ли не на всех улицах прусской столицы. «Весна народов», как поэтически называли это время, продолжалась недолго. Уже в октябре реакция подняла голову и стала усиленно действовать. 10 ноября войска Врангеля вступили в Берлин, а 12-го прусская столица была объявлена в осадном положении.

Мартовские дни отразились, конечно, и на Берлинском университете, хотя участие последнего и не носило такого активного характера, как в Вене. Ректором в это тревожное время был великий учитель Вирхова, Иоганн Мюллер. Насколько политика интересовала ученика, настолько учитель был ей совершенно чужд. Между тем, обстоятельства сложились

так, что Мюллеру пришлось погрузиться в самый водоворот быстро сменяющихся событий. Актный зал университета стал местом политических собраний. По примеру венского академического легиона, берлинское студенчество также образовало вооруженный отряд, команду над которым должен был принять на себя Мюллер как ректор. Университет со своим ректором во главе принял участие в торжественном погребении павших на баррикадах. 27 марта ректор собрал весь учащий персонал, чтобы получить мнение университета о созыве соединенного ландтага. Меньшинство, 7 против 98, высказалось за право страны на учредительное собрание. В лагере меньшинства мы, конечно, встречаем Вирхова. В апреле министр народного просвещения затребовал проекты реформы университетов и созвал ординарных профессоров на совещание. Обойденные экстраординарные профессора и доценты тщетно добивались, чтобы выслушали и их мнения. Выбранный ими из своей среды комитет, в который вошел и Вирхов, вступил по этому поводу в пререкания с ректором и советом университета, причем полемика эта перешла даже на столбцы общей прессы. В это время злосчастный ректор дрожал за безопасность университета, научные сокровища которого были вверены его личной ответственности. И вот Иоганн Мюллер, опоясанный саблей, со скрещенными руками, мрачным взором, дни и ночи стоял на часах, охраняя свой университет.

По поводу 1848 года Вирхов прочел в берлинском обществе научной медицины крайне интересный и остроумный доклад «*Эпидемии 1848 года*». Здесь он проводит параллель между двумя *соматическими* эпидемиями (тиф в Верхней Силезии и холера) и одной *психической*, как он характеризует революционное движение. Последняя эпидемия заставила почти совершенно забыть о первых двух, несмотря на их страшную интенсивность. «Ввиду благоприятных обстоятельств, говоривших за хороший исход этой эпидемии, мы, врачи, – говорит Вирхов, – высказались за хороший прогноз (предсказание). Разве нас поэтому, – восклицает он, – следует считать плохими врачами!» Предсказание оказалось ошибочным, потому что не были приняты в расчет некоторые внешние обстоятельства и не в руках врачей было удержать или регулировать благоприятные условия. «Как хорошим врачам, – говорит далее Вирхов, – нам не остается ничего иного, как произвести вскрытие и воспользоваться эпикризом (оценкой) для подобного случая в будущем». Какова же была причина смерти в данном случае? В чем кроется неудача движения 1848 года? Стремясь подойти к верному решению этого вопроса, Вирхов и видит главную причину в недостаточно развитом самосознании общества, в его вере в

авторитеты.

Движение 1848 года указало на необходимость реформ во всем строе общественной жизни. Немудрено, если оно вызвало и среди лучших представителей врачебного сословия – сословия, принимавшего горячее участие в самом движении, сознание и стремление реорганизовать врачебное дело в Германии. Выразителем этих стремлений явился Вирхов. Для проведения новых взглядов требовался и новый орган с совершенно особым характером. Вполне понимая все значение при данных условиях независимого и самостоятельного органа, Вирхов, совместно со своим другом и единомышленником Леубушером, стал издавать еженедельный журнал с публицистическим, боевым направлением и под вполне определяющим его задачи названием. «Медицинская реформа» была всецело посвящена реорганизации врачебного дела. Параллельно с этим на ее страницах Вирхов объявил беспощадную войну ученым и неученым мракобесам. Каждый номер приносил статью неугомонного редактора, – статью, написанную горячо, убежденно и убедительно. Нетрудно себе представить, какое сильное впечатление должны были производить эти действительно «передовые» статьи на своих читателей. Несмотря на свое краткое существование (с 10 июля 1848 года по 29 июня 1849), «Медицинская реформа», вне всякого сомнения, сослужила свою службу.

В передовой статье, открывающей новый журнал и посвященной вопросу «Чего желает „Медицинская реформа“, Вирхов указывает прежде всего на то, что это издание вступает в жизнь в такое время, когда переворот старых государственных соотношений еще не завершился, но когда уже составляются новые планы и сносятся со всех сторон камни для закладки и возведения нового государственного здания. Какая же иная задача могла бы быть ближе „Медицинской реформе“, как не эта – содействовать уборке старого хлама и устройству новых учреждений. „Политические ураганы такой силы и напряжения, как ныне несущиеся через мыслящую часть Европы, потрясая до самого основания все части государства, выражают собою коренные изменения во всеобщем воззрении на жизнь. Медицина не может остаться при этом одна незатронутой; и здесь радикальную реформу нельзя долее откладывать“.

Реформа врачебного дела сводилась, главным образом, к правильной постановке вопроса об общественном здравоохранении. «Врачи, – писал Вирхов, – естественные защитники бедных, и социальный вопрос попадает в значительной степени в их юрисдикцию». Периодическая медицинская печать во Франции поняла эту задачу непосредственно после февральских дней и поставила общественную медицину во главе своих статей; в

Германии оставалось все по-прежнему, «как будто в этом году (1848) вовсе не было марта месяца». Восполнить этот пробел, исправить эту ошибку имела целью «Медицинская реформа».

«Уже одно слово „общественное здравоохранение“, – писал Вирхов, – говорит тому, кто умеет сознательно мыслить, о полном и коренном изменении в нашем воззрении на отношение государства к медицине; это одно слово показывает тем, которые полагали и еще полагают, что медицина не имеет ничего общего с политикой, всю величину их заблуждения».

Это «полное и коренное изменение» явилось результатом того исторического момента, который тогда переживала Европа, и выразилось в предъявлении к государству больших требований. По мнению Вирхова, недостаточно того, что государство предоставляет каждому своему гражданину вообще средства к существованию, что оно поэтому помогает каждому, чья рабочая сила недостаточна, чтобы доставить ему эти средства. Государство должно делать больше, оно должно содействовать каждому в такой мере, чтобы он вел гигиеническое существование. Это просто вытекает из понятия о государстве как нравственной совокупности всех отдельных лиц из солидарного ручательства всех за всех. Поэтому совершенно ложно ставить на место исполнения обязательства всех – милосердие единичных личностей. Филантропия, конечно, прекрасная вещь, но она не может заменить организованной государственной помощи. Печальной иллюстрацией несостоятельности филантропии и случайной неорганизованной помощи со стороны государства может служить верхнесилезский голод и тиф. В разгар любой эпидемии филантропы подчас проявляют весьма энергичную деятельность, но с прекращением эпидемии они возвращаются к своему относительному покою, а бедняки – к своим прежним привычкам, к грязи и неумеренности.

Под общественным здравоохранением Вирхов понимал все отношения государства с медициной и медиками. Что же входило в круг этих отношений и каковы должны быть те средства, при помощи которых государство может выполнить свои обязательства в этом направлении? Ответ на первый вопрос уже дан выше: это – удовлетворить праву отдельной личности на гигиеническое существование. Ввиду того, что государство, в свою очередь, требует для своего существования как целого от своих граждан всяких жертв, до самой жизни включительно, от государства и можно ждать, что оно признает возможность гигиенического существования за право своих граждан. Понятно, что вопрос о существовании приобретает значение лишь для тех, кто не имеет средств к

существованию. Нуждающиеся распадаются на два главных класса – на способных к труду и неспособных. Спрашивается, каково должно быть отношение государства к этим обеим группам. Мы не станем вдаваться в рассмотрение этих вопросов, но сама постановка их должна показать, как широки границы общественного здравоохранения. Являясь на первый взгляд чисто экономическими, вопросы эти все же имеют очень близкое отношение к медицине. Не будь этого, медицину нельзя было бы назвать социальной наукой, так как социальный вопрос вращается по преимуществу вокруг вопросов о существовании, о (вознаграждаемом) труде и об обучении.

О нуждающихся, неспособных к труду, как-то: покинутых детях, калеках и престарелых, государство, несомненно, должно заботиться. Заботы эти выразятся либо в устройстве специальных учреждений (родильные приюты, воспитательные дома, сиротские приюты, богадельни, инвалидные дома), либо в приспособлениях и улучшениях домашней обстановки. Заботы о нуждающихся работоспособных также лежат на государстве. Если государство не может доставить каждому работу по его силам и способностям, то не остается ничего иного, как помочь беде непосредственно выдачею денег или предоставлением необходимых жизненных средств (пищи, одежды, жилища), или же произвести полную перемену в жизненных условиях целых классов народа, или же, наконец, просто сбывать этих людей с рук. В каждом из этих случаев медицина живо заинтересована. Возьмем последний случай, где казалось бы, о медицине менее всего может быть речь и где дело идет об эмиграции и колонизации. Однако тот, кто подумал бы, что это – не вопросы общественного здравоохранения, нанес бы жестокое оскорбление всем принципам гуманности. В доказательство справедливости такого взгляда Вирхов приводит цифровые данные о смертности среди эмигрантов во время переезда через океан вследствие недостатка в судовых врачах, вследствие тесноты помещения, недостаточного питания и т. п.

По отношению специально к рабочим в компетенцию общественного здравоохранения должна входить установка числа рабочих часов, нормировка рабочего дня сообразно с возрастом, законоположения относительно вредных для здоровья промыслов, – одним словом, целый ряд вопросов по гигиене рабочего люда.

Наконец, нужно ли упоминать об отношении общественного здравоохранения к общественному обучению? Не говоря уже о физическом воспитании, гимнастике в самом широком объеме, определении учебных часов, медицина должна оказывать известное влияние и на само

преподавание. Распространение путем преподавания общих сведений о строении и отправлениях человеческого организма сделает возможным при посредстве популярных наставлений провести в народ разумные понятия об уходе за своим телом и предохранении его от вредных влияний. Сама нравственность получит новые и более солидные точки опоры при более основательном знакомстве с сущностью явлений природы, со значением вечных законов природы и с их проявлениями в нашем собственном теле. Вот великая область общественного здравоохранения, вот те вопросы и задачи, которые ставит медицине жизнь масс в многообразных своих проявлениях. Бывают, однако, в жизни народов моменты, когда медицина и ее представители выдвигаются на первый план. Это – тяжелые моменты появления эпидемий, когда болезнь достигает ужасающих размеров и люди гибнут тысячами. История не раз указывала, как судьбы величайших государств зависели от санитарного состояния народов или войск, и не подлежит уже более сомнению, что история народных болезней должна составлять нераздельную часть истории культуры человечества. «Эпидемии, – писал Вирхов, – предоставляют собой как бы предохраняющие скрижали, в которых истинный государственный деятель может прочесть, что в ходе развития его народа наступило резкое нарушение, проглядеть которое не должна даже беззаботная политика». Поэтому первая обязанность государственных властей в такие моменты – принять крупные и разумные меры. Предшествовавшие эпидемии должны учить государственных деятелей, как вести борьбу с могущей вспыхнуть эпидемией. К сожалению, здесь применим известный афоризм относительно политической истории, а именно, что история существует для того, чтобы из нее научиться, что из нее ничему не научаются. Вместо рациональных, широко задуманных и широко проведенных мер в борьбе с эпидемиями ограничиваются изданием различных наставлений. Если мы вспомним, что в то время, когда Вирхов затрагивал эти вопросы, в Европе свирепствовала холера 1848 года, мы вполне пойдем крайне резкий подчас тон его статей. Вспомним, что почти столетия спустя также боролись с холерой больше инструкциями и наставлениями, да разве еще бочонками с кипяченой водой.

«Не наставления следует писать, чтобы вызвать беспокойство среди упитанных буржуа, а нужно принять меры, чтобы бедняка, у которого нет свежего хлеба, нет хорошего мяса, нет теплой одежды, нет постели, который при своей работе не может существовать на рисовом супе и ромашке, бедняка, который наиболее подвержен эпидемии, уберечь от последней путем улучшения его положения. Пусть эти господа вспомнят,

сидя зимою у пылающих каминов и занимаясь раздачей своим деткам рождественских яблок, пусть они вспомнят, что судовые рабочие, которые привезли сюда каменный уголь и яблоки, поумирали от холеры. Ах, это очень печально, что всегда тысячи должны гибнуть в нищете, чтобы нескольким сотням жилось хорошо, и что эти сотни, когда наступает очередь новой тысячи, пишут лишь *наставления*».

Одной из важных мер борьбы и с эпидемическими, и с обыкновенными заболеваниями является устройство больниц как выражение попечения о больных. Конечно, рядом с этим может и должна идти медицинская помощь больному на дому. На больницы, по мнению Вирхова, следует смотреть с трех точек зрения. Прежде всего, разумеется, они служат целям попечения о больных, затем дают возможность врачам практически усовершенствоваться и, наконец, способствуют распространению и развитию науки. Ввиду такого значения больниц они подлежат заботам государства. Вирхов требует, чтобы каждый нуждающийся в больничном уходе находил бесплатный и немедленный прием в больницу. Далее, по его мнению, лечебное заведение должно быть так устроено, чтобы во всех отношениях способствовать благу больного. Тут не может быть даже и речи, сколько денег должно стоить такое учреждение. Либо общество, государство и община признают за собой обязательство, и тогда средства должны быть доставлены, – либо такое обязательство не признается, но тогда «уже нечего толковать о том, что общественное здравоохранение существует». Кстати заметим, что требования Вирхова относительно больниц можно считать в настоящее время почти удовлетворенными.

Реорганизация врачебного дела требовала пересоздания самих правительственных органов, от которых непосредственно зависела постановка всего медицинского строя Германии. Здесь «реформа» должна была состоять, по мнению Вирхова, в учреждении германского имперского министерства общественного здравоохранения. Учреждение специального прусского медицинского министерства Вирхов считал совершенно излишним, хотя и раздавались голоса в пользу такой реформы. Одно было ясно – что «бумажное царство, громадная армия тайных и не тайных младших, старших и средних советников» не могла долее существовать в прежней своей форме. Число медицинских административных чиновников следовало значительно уменьшить, а некоторую часть назначаемых правительством заменить избираемыми по желанию общин (уездные и общинные врачи). Различные научные и технические комиссии и коллегии должны были быть совершенно упразднены и заменены двумя новыми

учреждениями.

В научных вопросах высшей инстанцией является особая медицинская академия, которая пополняется выборами. Рядом с нею функционирует особый совет для решения вопросов технических и административных.

Особое внимание Вирхов обратил на университетское преподавание медицины – преподавание, реорганизацию которого он также признавал настоятельно необходимой. И здесь, конечно, государство должно, раз оно признает свои обязательства по отношению к общественному здравоохранению, позаботиться о подготовке тех лиц, в профессиональные обязанности которых входит само охранение здоровья граждан. Без участия государства может образоваться стоящая вне всякого контроля свобода медицинской профессии, «свободная торговля человеческим мясом». Создавая и поддерживая образовательные медицинские учреждения, государство должно сделать изучение медицины доступным для всех желающих и безвозмездным. Не денежные средства, а способности – вот критерий в этом вопросе. Всякий обладающий требуемым подготовительным образованием и одаренный соответствующими способностями для успешного изучения медицинских наук имеет право на безвозмездное обучение. Преподавание медицины существует не для того, чтобы дать некоторым лицам возможность приобрести хлебное ремесло, *Brodstudium*, по выражению немцев; задача его – сделать возможным само существование общественного здравоохранения. Если бы медицинские образовательные учреждения служили местом, где всякий может научиться, «как облегчать больным людям карманы», государству ни к чему было бы поддерживать эти учреждения. Изменения в самом преподавании касаются метода преподавания и способа рекрутирования преподавателей. Относительно метода Вирхов требует, чтобы последний носил более наглядный характер, чтобы в будущем врачи прежде всего развивали естествоиспытателя. У постели больного, по отношению к каждому отдельному случаю заболевания, врач является в роли естествоиспытателя. Поэтому, если во врачах хотят развить естествоиспытателя, необходимо, чтобы он мог приступить к ожидающему его в практике материалу для наблюдения с запасом фактического знания и вооруженный логическим мышлением. Приобретение двух последних свойств – знания фактов и логического мышления – является главной задачей гимназического и университетского образования.

Замещение кафедр Вирхов считал более целесообразным производить не путем правительственного назначения профессоров, а путем публичных конкурсов, по примеру Франции.

В своих требованиях реорганизации врачебного дела, в суровой, хотя и справедливой критике существовавших порядков – или, вернее, беспорядков, – Virchow проявил себя человеком, проникшимся демократическими идеями. Его «Сообщения о тифе в Верхней Силезии», с которыми мы уже познакомили читателей, послужили также к распространению взгляда на него как на демократа. Поэтому неудивительно, что один из тюрингенских округов при дополнительных выборах в октябре 1848 года избрал своим представителем в прусское учредительное собрание пылкого борца за реформу, прозектора Charité. В то время Virchow не достиг еще требуемого законом возраста и поэтому не мог принять этих полномочий. С другой стороны, также неудивительно, что правительство в лице министерства народного просвещения не особенно одобрительно смотрело на ученого демократа и только ожидало случая, чтобы избавиться от него. Случай, которым правительство с этой целью воспользовалось, вернее, к которому оно придралось, был совершенно неправильно истолкован во вред Virchow. Министерство обвинило Virchowa в том, что он вел выборную агитацию в стенах Charité. Между тем, Virchow на страницах своего журнала «Медицинская реформа» открыто возмущался тем, что в больнице Charité устраивались политические собрания. Дело в том, что еще при первых общих выборах в мае 1848 года больница Charité с некоторою частью соседнего округа была выделена в особый избирательный участок. Сделано это было в тех видах, чтобы раненым мартовских дней, бывшим на излечении в Charité, дать возможность воспользоваться правом выборов – правом, завоеванным их кровью. При выборах 1849 года, уже неизвестно по какой причине, Charité также была выделена и имела 250 избирателей.

С точки зрения врача Virchow и восставал против такого порядка. Политические собрания, разъярял Virchow, сильно возбуждают и могут вредно отзываться на здоровых, не только на больных. Нельзя считать благоприятным для здоровья моментом, если выздоравливающие почти пять часов проводят в переполненных собраниях, где ведется бурная и жаркая выборная борьба. Такая «выборная горячка» могла вызвать действительное повышение температуры у больных. Больница, по мнению Virchowa, не место для политической агитации. «Мы не желаем, – говорит Virchow, – чтобы больницы стали политическими учреждениями, как и не стоим за то, чтобы сделать их очагами религиозной пропаганды». Трактовки религиозных партий и политические брошюры в одинаковой степени не должны нарушать покоя больных. Несмотря на такой резко выраженный взгляд Virchowa, взгляд, вполне беспристрастный, так как

выборы в Charité были демократического характера, министерство все же, на основании этой агитации, отрешило Virхова от должности прозектора. Уже задолго перед этим было предложение добровольно оставить свою должность, на что Virхов, конечно, не согласился. Внезапное отрешение Virхова вскоре, однако, было отменено – благодаря стараниям его друзей, оказавших воздействие на министра Ладенберга. Столкновение Virхова с министерством закончилось тем, что с 1 мая 1849 года Virхову пришлось очистить свою квартиру в Charité, а прозектура была оставлена за ним лишь под ясно выраженным условием возможного в любой момент отрешения. Находиться под таким дамокловым мечом для человека с заслуженным именем в науке и справедливым самолюбием в душе было нелегко. Из этого унижительного и ложного положения Virхова вывел Вюрцбургский университет. Как раз в это время медицинский факультет Вюрцбургского университета предложил отрешенному от должности прозектору занять самостоятельную кафедру патологической анатомии в звании ординарного профессора. Virхов по долгу службы сообщил об этом крайне лестном для него приглашении министру народного просвещения. Последний удостоил опального ученого пространнейшим и мотивированным ответом, резюме которого сводилось к тому, что министр, хотя и видит в этом приглашении справедливую оценку научной и преподавательской деятельности Virхова, тем более должен сожалеть, что «настоящее положение вещей делает для него невозможным» предложить Virхову в Берлине какое-либо положение, которое могло бы его побудить отклонить это почетное приглашение. Прочтя дипломатическое послание своего начальника, Virхов ответил совету Вюрцбургского университета, что он готов занять предлагаемую ему кафедру с наступающего зимнего семестра.

Собираясь покинуть Берлин, Virхов к этому времени, то есть к концу июня 1849 года, прекратил издание «Медицинской реформы». В прощальном слове к своим читателям редактор рисует, местами в поэтических красках, возникновение революционного движения и затем наступление реакции, задушившей все реформационные стремления. «Мы слишком много верили, – писал Virхов, – в силу разума перед грубым насилием, культуры – перед пушками; мы осознали наши заблуждения». Задачу, которую он себе поставил в «Медицинской реформе», Virхов считал до известной степени выполненной. От правительства с помощью периодической прессы нельзя ничего больше добиться. Среди врачей способные к прогрессу не нуждаются в постоянном руководстве, на смиренные же, беотические натуры аргументы никогда не действуют.

Можно, поэтому, признать лишь еще одну задачу – это внести в народное сознание вопросы общественного здравоохранения, вопросы о насущном хлебе и гигиеническом существовании, и добиться при содействии все новых и новых апостолов окончательного решения этих вопросов на самых широких началах.

«Медицинская реформа», которую мы имели в виду, – заканчивает Вирхов, – была реформой науки и общества. Мы развили ее принципы, они проложат себе дорогу и без дальнейшего существования этого органа. Но каждое данное мгновение застанет нас трудящимися во имя этих принципов, готовыми бороться во имя их».

Прежде чем последовать за Вирховым к его новой деятельности, мы постараемся в кратких чертах представить нашим читателям характеристику ученых трудов Вирхова за первый берлинский период.

Первый толчок к работам в известном направлении, первую тему для самостоятельной научной работы Вирхову дал Фрорип, об отношении которого к Вирхову мы говорили выше. Фрорип предложил молодому ученому заняться разработкой вопроса о воспалении вен (*флебит*), вопроса, стоявшего тогда на очереди и крайне занимавшего умы специалистов. Какое важное значение придавали этому болезненному процессу, видно из афоризма Крювелье, одного из выдающихся в то время патологоанатомов, по мнению которого флебит господствует над всей патологией (*la phlébite domine toute la pathologie*). Предшественники Вирхова подходили к решению вопроса односторонне, имея в виду лишь изменения в стенках сосудов. Вирхов обратил внимание на содержимое сосудов, на кровь. Благодаря этому ему удалось доказать, что сущность болезненного процесса сводится, с одной стороны, к свертыванию крови в сосудах и к дальнейшим изменениям этих кровяных сгустков (размягчению, переходу в нагноение и т. д.), с другой стороны, – к заражению крови нечистыми, гнилостными веществами. Из работы о флебите возник, как всегда бывает, ряд работ по поводу вновь и вновь появляющихся при исследовании вопросов. Поэтому за работой о флебите последовали выдающиеся работы Вирхова вообще о закупорке сосудов кровяными пробками (о тромбозе и эмболии) как явлении свертывания крови внутри сосудов и специально о закупорке легочной артерии. Сюда же относится и работа, посвященная лейкемии (белокровию) – тому изменению в составе форменных элементов крови, когда число белых кровяных шариков значительно превышает число красных, когда нормально существующее пропорциональное отношение тех и других изменяется в обратную сторону, что придает крови «белый» цвет. Все эти

работы носили вполне самостоятельный характер, все они сообщали новые факты и новые взгляды. Но, помимо их научного значения – обогащения наших знаний по затрагиваемым исследователем вопросам, первые уже работы Вирхова имели громадное значение в смысле того научного метода, который был положен в их основу. Являясь убежденным поборником естественнонаучного метода в медицине, Вирхов последовательно и обоснованно стал применять его с первого своего шага по пути самостоятельного решения научных вопросов. Находя какие-либо болезненные изменения в данных органах, имея перед глазами ряд патологоанатомических фактов, Вирхов стремился превратить их в логическую цепь вытекающих одно из другого явлений, мысленно восстановить последовательный ход болезненного процесса в живом организме, произвести, выражаясь его словами, «патологоанатомическое исчисление». Полученные этим путем выводы наш ученый старался подтвердить опытами на животных. Вирхов высоко ставил значение эксперимента в патологии рядом с патологоанатомическим наблюдением и находил, что было бы крайне печально, если бы анатомическое исследование ограничивалось лишь мертвым материалом, лишь изучением готовых продуктов болезненных процессов в их изолированных формах, если бы весь результат анатомического исследования сводился к описанию и классификации известных научных объектов. Поставленные Вирховым опыты на животных для решения патологических вопросов, другими словами, широкое право гражданства, которые приобрели эти опыты в патологии благодаря Вирхову, положили в значительной степени начало экспериментальной патологии в Германии. В первых своих работах Вирхов указал тот путь, следуя по которому, патология – эта философия медицины – могла выйти из трясины на твердую почву. Насколько шатки были в то время воззрения на основные вопросы патологии, можно судить по такому, например, факту. Будучи студентом, Вирхову пришлось в один и тот же день услышать три различные теории воспаления, из которых ни одна не имела ни малейшего сходства с другой, ни одна не стояла на физиологической почве, ни одна не знала и не считалась с фактами, твердо установленными путем наблюдения.

В заключение мы должны еще упомянуть о статье, на которую следует смотреть как на научную *profession de foi* Вирхова. В этой статье («Стремления к объединению в научной медицине») Вирхов указывает ту точку зрения, на которой он стоял до сих пор в науке и исходя из которой стремился служить науке. Здесь Вирхов высказывается о человеке, о жизни, о медицине, о болезни, об эпидемии.

С вполне определенными научными воззрениями, со строго выработанным методом исследования, во всеоружии знания своей специальности 28-летний Вирхов занял профессорскую кафедру.

Глава IV

Приглашение Вирхова в Вюрцбург. – Вюрцбургское физико-медицинское общество. – Вирхов как профессор. – Голод в Шпессарте. – Исследования о кретинизме. – Ученые труды вюрцбургского периода

Приглашение берлинского демократа-прозектора в Вюрцбург не прошло совершенно гладко. Лишь только возможность приглашения Вирхова в Вюрцбург стала известна в более широких кругах, реакционерная партия в Баварии стала предостерегать от «демократа» и повела кампанию против Вирхова на столбцах общей прессы. Ссылаясь на «Сообщения о тифе в Верхней Силезии», реакционеры указывали, как опасен для вюрцбургской медицинской молодежи может быть их автор. Но вопли реакционеров не имели успеха. Имя Вирхова в науке было уже настолько громко, что правительство не пожелало лишить обновленный факультет такого преподавателя из-за политических соображений.

Среди лиц либерального лагеря, к которому примкнул Вирхов, нельзя обойти молчанием одну в высшей степени оригинальную личность – Готфрида Эйзенманна. Между ним и Вирховым вскоре установились дружеские отношения, так как они оба увлекались и медициной, и политикой. За свое увлечение политикой Эйзенманну пришлось дорого заплатить. Чуть ли не всю свою жизнь он провел за семью замками, кочуя из одной тюрьмы в другую, из одной крепости в другую. Вскоре после своего дебюта в качестве редактора вюрцбургского «Народного листка» Эйзенманн начал невольное странствование «по тюрьмам, по острогам». С 1832 по 1847 год он последовательно провел в предварительном заключении, в тюрьме и в крепости. 15 лет такой жизни не сломили, однако, железной энергии этого человека. Находя, что «в крепости у него времени достаточно», он много писал по специальности в духе своего учителя и друга Шенлейна. Последний, несмотря на звание лейб-медика короля Фридриха Вильгельма IV, неоднократно посещал злосчастного узника. Впоследствии Эйзенманн, также из крепости, редактировал медицинское библиографическое издание, в соредакторы которого и пригласил Вирхова.

Перед самым приездом молодого профессора в Вюрцбург в среде профессоров медицинского факультета образовалось новое общество, в

цели которого входило, помимо способствования развитию медицины и естествознания, также и изучение местных естественноисторических и санитарно-медицинских условий. Во главе общества, носившего название физико-медицинского, стали «новые» элементы факультета. Вступив в члены вюрцбургского медицинского факультета, Virchow тотчас примкнул к новообразованному обществу, которое и возложило на него обязанности секретаря. Впоследствии Virchow неоднократно занимал и председательское кресло. Когда же общество задумало, ввиду расширения круга своего воздействия, издавать ежегодно свои протоколы и труды, мы видим Virchova в составе редакционного комитета.

Вюрцбургское физико-медицинское общество представляло как бы зеркало, в котором ярко отражалась неутомимая и плодотворная научная деятельность Virchova за все время его пребывания в Вюрцбурге. Все свои работы как крупные, так и мелкие, Virchow прежде всего представлял обществу в виде докладов. Баварское правительство командировало молодого профессора в голодающие местности для изучения местных санитарных условий. Вынесенными из поездки впечатлениями Virchow прежде всего поделился с физико-медицинским обществом. В прениях Virchow опять-таки принимал живейшее участие. Словом, Virchow был одним из самых деятельных членов юного общества. В каждом томе трудов общества мы встречаем по несколько докладов Virchova.

В свою очередь, общество вполне ценило деятельность Virchova и понимало его значение для общества. Это в полной мере обнаружилось, когда Virchow оставил Вюрцбург. В торжественном заседании 6 декабря 1856 года председатель Келликер посвятил часть своей речи Virchovu. «И в этом году, – заявил он, – нас постигло испытание, – *потеря нашего Virchova*, который эту осень покинул Вюрцбург. Я называю его сознательно и с гордостью *нашим*. Ведь Вюрцбург и, прежде всего, наше общество, к которому он принадлежал почти с момента основания, были местом, где он, собственно, стал тем, что он теперь, и мы можем выдать себе свидетельство, что с самого начала оценили его по его высокому достоинству и поддерживали его стремления, каждый по своим силам. А чтобы никто в этом не сомневался, позвольте мне повторить его слова, сказанные как прощальный привет, а именно: он многому от нас научился. Если Virchow от нас научился, то мы ему обязаны куда больше, и среди вас нет, наверное, никого, кто бы не был готов, во всякое время, открыто и определенно признаться в этом».

Незадолго до занятия кафедры в Вюрцбурге Virchow женился на дочери известного в то время в Берлине гинеколога Карла Майера.

В Вюрцбурге Вирхов зажил тихую безмятежной жизнью профессора маленького германского университета. После боевого берлинского периода здесь для Вирхова наступил *семилетний мир*, как лучше всего можно охарактеризовать семь лет, проведенных нашим ученым на живописных берегах Майна. Вирхов весь отдался любимой науке и своей профессуре.

Новый профессор на новой кафедре, он ввел и новые методы преподавания. Рядом с теоретическими систематическими лекциями Вирхов впервые устроил демонстрационные курсы, и в этом огромная его заслуга как преподавателя патологической анатомии. На этих курсах профессор демонстрировал своим слушателям случайный материал свежих вскрытий. Все патологические изменения, находимые на одном и том же трупе, рассматривались одни за другими, анализировались сперва каждое в отдельности, а затем исследовались с точки зрения их последовательного, хронологического развития при жизни организма, с точки зрения их причинной и генетической связи, их взаимодействия. Все это имело одну цель – прийти в каждом данном случае к заключению как о причине смерти, так и о сущности и причине заболевания. Сами препараты передавались по аудитории, и каждый мог основательно рассмотреть препарат, прибегая к помощи не только зрения, но и осязания и обоняния, мог, таким образом, развивать и воспитывать свою наблюдательность. Преподаватель указывал при этом на наиболее подходящие в каждом случае и для каждого органа методы наблюдения путем органа зрения или осязания. Помимо исследования невооруженным глазом Вирхов отвел подобающее место микроскопическому исследованию. «Мне извинят, – писал он в 1890 году, – если я скажу, что, в немалой степени благодаря моим стараниям микроскоп с ранних пор был принят в число учебных пособий». Действительно, на курсах Вирхова была впервые сделана попытка широкого применения микроскопа и систематического обучения пользования им. По собственным его словам, Вирхов исполнил этим лишь то требование, которое он высказывал при вступлении своем на научно-литературное поприще. «Необходимо, – писал он в руководящей статье первого тома своего „Архива“, – чтобы наши воззрения настолько же двинулись вперед, насколько расширилась наша зрительная способность с помощью микроскопа: вся медицина должна в 300 раз ближе подойти к занимающим ее естественным процессам».

Слава Вирхова как выдающегося ученого и талантливого преподавателя стала быстро распространяться среди всего немецкого студенчества. И вот не только уроженцы Южной Германии, но даже северяне, не особенно благоволившие к Баварии, покидали свои

университеты и направлялись в Вюрцбург. Из профессора Virchow превращался уже в *учителя*. Побывать в его школе, быть его учеником – вот что влекло в Вюрцбург.

Пользуясь воспоминаниями профессора Клебса, одного из учеников Virхова, из «того времени, когда Virхов населял аудитории Вюрцбургского университета слушателями из всех стран», мы представим читателям, какое впечатление производили Virхов и его преподавание на германскую медицинскую молодежь 50-х годов.

Virхов не подавлял своих слушателей профессорским авторитетом. Здесь не было авторитетного голоса учителя, знаменитого ученого мужа, – голоса, который требовал безусловной веры; здесь было старательное, подслушанное у самой природы толкование тончайше наблюдаемых фактов, – толкование, которое действовало убеждающе. Так было не потому, что Virхов сказал это, но потому, что он ясно представил это воочию. Он учил читать в книге природы, узнавать и различать тончайшие изменения, ускользнувшие от внимания его предшественников, или же затронутые последними лишь поверхностно. Еще изумительнее для того времени представлялось юным адептам медицины откровенное указание на повсюду выступающие недостатки наших познаний, что составляло благотворную противоположность старой, догматической медицине, которая опасалась взять на себя упрек в незнании и думала скрыть последнее под покровом авторитета и философских измышлений. Здесь, напротив, все было – истина, расширенная и разъясненная остроумным наблюдением. Рядом с осознанными недостатками познания тем блистательнее выступало богатство вновь завоеванных фактов и окрыляло надежды ученика.

Для юношей было просто очарованием видеть здесь, что всё можно вычитать из мертвого организма. Слушатели видели, как перед их глазами из трупных данных строилась полная жизни картина заболевания. Для предстоящей им в отдаленном будущем борьбы с этим заболеванием, для победы над ним они здесь и запасались оружием. «*Учиться видеть микроскопически*» – было любимым метким выражением Virхова и являлось руководящим принципом его демонстрационных курсов. Здесь же впервые можно было понять все глубокое значение другого выражения Virхова – «*микроскопически мыслить*».

Мирная кабинетная жизнь молодого профессора была в феврале 1852 года прервана командировкой его в Шпессарт, гористую местность на границе Баварии и Пруссии. Ввиду разразившегося в этой провинции голода баварское правительство решило отправить туда комиссию из трех

лиц, в том числе и Вирхова, для исследования санитарного состояния населения пораженных голодом мест.

Командировка Вирхова в Шпессарт живо напоминает его поездку в Верхнюю Силезию.

Мы не станем подробно описывать этой поездки. В общем он вынес такие же впечатления, как и из своей знаменитой поездки в Верхнюю Силезию. Те же условия жизни у такого же некультурного, такого же бедного, так же скученно живущего и столь же привыкшего к картофелю и водке населения. Правда, здесь картина была написана не такими густыми красками, голод и болезнь не достигали ужасающих «верхнесилезских» размеров.

Свои исследования и впечатления от поездки в Шпессарт Вирхов представил в форме обширного доклада в двух заседаниях Вюрцбургского физико-медицинского общества (6 и 13 марта 1852 года). И здесь, как и в Верхней Силезии, он видит причину голода в неудовлетворительных социальных условиях, и здесь предлагает такие же широкие и коренные меры. Но в Шпессарте до некоторой степени противовесом плохим социальным условиям являлись прекрасные климатические и почвенные условия гористой местности. В результате наш ученый исследователь двух голодовок приходит к одному и тому же выводу и заканчивает свой доклад о «*Голоде в Шпессарте*» вещными словами. «Образование, благосостояние и свобода, – говорит он, – единственные гарантии длительного здоровья народа».

Семилетнее пребывание молодого профессора в Вюрцбурге было чрезвычайно плодотворно в научном отношении. Многочисленные работы вюрцбургского периода посвящены всевозможным вопросам патологической анатомии и, касаясь чуть ли не всех органов человеческого тела, важны в том отношении, что послужили краеугольными камнями для возведения стройного здания целлюлярной патологии, с сущностью которой читатели наши познакомятся ниже. Основные идеи этого нового учения созрели в Вюрцбурге.

В Вюрцбурге же Вирхов впервые заинтересовался областью знания, не входившей в круг его профессиональных занятий. Здесь появились его первые работы по антропологии, – науке, для которой Вирхов впоследствии так много и плодотворно потрудился. Предметом его первых антропологических исследований послужил сильно распространенный в Баварии кретинизм. Исследования эти далеко не всегда и не везде встречали сочувствие. К неутомимому исследователю сплошь и рядом относились крайне враждебно, не желали впускать в дома, подавали даже

на него жалобы. Однажды Вирхов вынужден был просто-напросто бежать ночью из одного городка, население которого пришло в крайнее раздражение против нашего ученого. Все эти труды и неприятности были, однако, не напрасны. Вирхову удалось в достаточной мере осветить крайне интересный и темный вопрос о кретинизме. Он доказал, что причину кретинизма следует искать в нарушении правильного роста черепа, главным образом, в преждевременном окостенении основания черепа, причем кости, составляющие это основание, вместо нормального соединения между собою сливаются в одну общую массу.

Говоря об ученых трудах вюрцбургского периода, мы должны еще упомянуть о двух изданиях, в которых Вирхов был редактором или же соредактором. Первое носило название «*Руководство к частной терапии*» (к изучению внутренних болезней). На книжном рынке существовало такое руководство, составленное профессором *Каннштаттом* и пользовавшееся большою популярностью среди студентов и врачей. По смерти автора потребовалось новое издание. И вот издатель задумал выпустить его в виде сборного сочинения, то есть сочинения, написанного по отделам различными специалистами. Общее руководство и редактирование всего издания было предложено Вирхову, который для составления нового руководства стал во главе целой фаланги ученых. Взятую на себя задачу Вирхов выполнил блестяще. Вышедшее под его редакцией руководство служило настольной книгой не одного поколения врачей. Помимо редакторства, Вирхов написал еще и несколько глав, посвященных вопросам общей патологии. «*Руководство к частной терапии*», первое в своем роде, послужило прототипом для последующих таких сочинений по другим отраслям медицины (хирургии, гигиены).

Другое издание, также основанное Каннштаттом в 1840 году, составляли «*Ежегодные обзоры успехов медицины*». С 1867 года это издание перешло всецело в руки Вирхова и известного берлинского профессора истории медицины Августа Гирша. В настоящее время эти «*Ежегодные обзоры работы и успехов всей медицины*» (*Jahresberichte über die Leistungen und Fortschritte in der gesumnten Medicin*), незаменимые для следящего за наукой врача, имеют прекрасную и прочную репутацию образцового по полноте библиографического справочного издания.

Обозревая работы Вирхова за вюрцбургский период, мы видим, что они посвящены специальному и детальному исследованию патологических явлений. На первом плане еще стоит аналитический их характер, стремление установить факты. Но замечается уже переход к синтезу, к обобщению и к выводу общих законов из общей сложности отдельных

явлений.

Крайне интересно и поучительно сравнить с литературной точки зрения, в смысле языка и слога, статьи первого берлинского периода с написанными в Вюрцбурге. Конечно, и те, и другие написаны ясным и прекрасным «вириховским» языком. Но в то время, как берлинские статьи полны полемического задора, вюрцбургские носят печать спокойной уверенности. В Берлине Вирихов все время в боевом настроении, он не уклоняется от научного спора, он не признает никакого преклонения перед личностью, никакого авторитета; научная борьба – его стихия. Как перчатки, бросает он свои идеи в лицо своим научным противникам, новооткрытые факты, как удары, сыпятся на их головы, уже не таким мы встречаем молодого профессора в Вюрцбурге. И здесь он преследует ту же цель, по-прежнему добивается реформы в медицине, пересоздания ее на естественнонаучных основах – но уже не с такою стремительностью и запальчивостью, а со спокойствием и хладнокровием. Речь его размереннее, тон спокойнее. У него нет более желания увлечь, воспламенить к новому учению, а преобладает желание убедить в истине этого учения.

За время пребывания Вирихова в Вюрцбурге в прусской столице переменились и обстоятельства, и люди. И вот осенью 1856 года Вирихов получил приглашение возвратиться в Берлин для занятия кафедры в первом по своему значению германском университете. Он покидал маленький провинциальный город, чтобы развить еще более широкую, еще более разностороннюю деятельность в столице.

9 августа физико-медицинское общество чествовало отъезжающего своего члена прощальным вечером и поднесло Вирихову на память написанный масляными красками вид города Вюрцбурга. Но здесь вовсе не требовалось такого «вещественного доказательства невестественных отношений». О жизни своей в Вюрцбурге Вирихов сохранил самые лучшие воспоминания и впоследствии признавался, что после детства в родительском доме семилетнее пребывание в Вюрцбурге составляет лучшую эпоху его жизни.

Профессура в Вюрцбурге имела в научном отношении громадное значение для Вирихова. Здесь он основал школу, здесь у него появились ученики (*Клебс, Риндфлейш*). Здесь же, как мы видели, созревали идеи целлюлярной патологии. В Вюрцбург Вирихов явился молодым ученым с именем и талантливым лектором. В Берлин он возвращался выдающимся учителем, главой новой школы и опытным профессором.

Глава V

Возвращение Вирхова в Берлин. – Патологоанатомический институт в Берлине. – Ученики и ассистенты Вирхова. – Лекции по «целлюлярной патологии». – Вирхов – организатор добровольной помощи в войнах 1866 г. и 1870–1871 гг. – Избрание Вирхова в Берлинскую академию наук. – Юбилей 1881 года

В Берлинском университете до 1856 года не существовало особой кафедры патологической анатомии. Наука эта составляла лишь часть кафедры анатомии и физиологии, представителем которой был в то время такой всеобъемлющий ученый, как Иоганн Мюллер. Практическим подспорьем при преподавании патологической анатомии служила прозектура Charité, о чем мы уже упоминали. Быстрый рост патологической анатомии благодаря, главным образом, Рокитанскому и самому Вирхову категорически указывал на ненормальность такого положения. Необходимость учреждения самостоятельной кафедры сознавал и Мюллер. И вот, когда умер прозектор Charité Генрих Гемсбах, бывший вместе с тем и экстраординарным профессором, медицинский факультет вошел в министерство с ходатайством об учреждении специальной кафедры патологической анатомии. Инициатива в этом деле принадлежала Мюллеру, и он же указал факультету на ученого, которому он желал уступить одну из преподаваемых им наук. Имя этого ученого было Рудольф Вирхов. Но имя это сравнительно еще недавно было не особенно популярно в стенах прусского министерства народного просвещения. Семь лет тому назад, в 1849 году, министр Ладенберг заявил покидавшему Берлин Вирхову, что ему, министру, легче пригласить его когда-либо обратно, нежели дать теперь назначение. Слова эти оказались пророческими лишь по отношению к Вирхову. Приглашать Вирхова обратно в Берлин пришлось уже не Ладенбергу, а его преемнику Раумеру.

На Пасхе 1856 года состоялось назначение Вирхова ординарным профессором Берлинского университета. *Recuperavimus eum et adhuc habemus* – мы вновь приобрели его и имеем до сих пор – могут с гордостью сказать берлинцы.

Принимая приглашение занять кафедру в Берлине, Вирхов теперь мог диктовать свои условия. Он потребовал устройства при новой кафедре

особого института для практических занятий по патологической анатомии и физиологии. Министерство приняло это условие и решило устроить патологический институт при больнице Charité. Директор Charité Эссе (Esse), в то время первый авторитет в деле устройства больниц и подобных учреждений, был отправлен в Вюрцбург, чтобы ознакомиться с устройством тамошнего патологического института. По образцу последнего и был построен новый патологический институт в Берлине. Несколько странным и поразительным является то обстоятельство, что собственно мнения Virхова и его указаний при постройке института, специально для него предназначенного, не потрудились спросить. Министерство отнеслось к делу, как это сплошь и рядом бывает, вполне формально. *Conditio sine qua non*^[2] своего перехода в Берлин Virхов ставил устройство патологического института. Министерство и устроило ему институт. Но предложить ему выработать план нового научно-учебного учреждения, руководствоваться его советами и указаниями министерство не сочло уже нужным.

Постройка нового института велась так энергично, что к осени 1856 года берлинский патологоанатомический институт мог уже функционировать. Итак, благодаря бывшему прозектору Charité невзрачная покойницкая этой больницы превратилась в самостоятельное научное учреждение, первое в своем роде в Германии. С этого времени при всех немецких университетах стали по необходимости возникать такие же институты, причем образцом для них служил берлинский.

Стараниями Virхова при институте возник прекрасный патологоанатомический музей. В Charité существовал с 1831 года патологоанатомический кабинет, в котором к 1856 году было лишь 1500 препаратов. Между ними находились и препараты Virхова из времен его прозекторства. Из них, однако, уцелели немногие. Ввиду громадного значения такого музея для преподавательских целей Virхов занялся пополнением его. К 1886 году число препаратов достигло внушительной цифры 17 тысяч.

Берлинский патологический институт являлся и является по настоящее время крупным центром научных работ по патологической анатомии и общей патологии во всем их объеме. Патолого-микроскопические и патолого-химические работы производились рядом с работами по экспериментальной патологии. К ним впоследствии присоединились и бактериологические исследования. Главной задачей института во все время было воспитывать самостоятельных научных работников и исследователей, которые способны расширить и углубить знания. В этом смысле Virхов и

выбирал себе ближайших сотрудников, своих ассистентов, и в этом смысле их воспитывал.

Заняв кафедру в Берлине, молодой профессор, по собственным своим словам, вступил в факультет, где «почти все члены были его учителями и где не заседал ни один из его товарищей по студенчеству». Это весьма лестное обстоятельство создавало Вирхову совершенно особое положение, согласно изречению: кому много дается, с того много и спрашивается. Оно могло бы послужить стимулом к более напряженной работе, если бы натура Вирхова нуждалась в каких-либо посторонних стимулах. Самые пылкие свои мечты ученого и учителя Вирхов мог считать осуществившимися. Профессура в Берлине, этом умственном центре Германии, открывала перед ним самое широкое поле научной и преподавательской деятельности. И он действительно проявил и в том, и в другом направлении поистине изумительную деятельность. Значение Вирхова как представителя естественнонаучного метода в медицине все росло и росло. Росло и число его учеников. Патологический институт в Берлине стал источником живой воды для врачей не одной лишь Германии; а всей Европы. «В Берлин», «к Вирхову» стремились со всех сторон, чтобы поработать под руководством гениального учителя. Всякий знал, что здесь он найдет строго научную постановку дела, освещенную бескорыстным стремлением к истине. Всякий жаждал приобрести высокое право считать себя «учеником Вирхова». Как в XVIII столетии Бергаве,^[3] так во второй половине XIX века Вирхов стал *communie totius mundi praeceptor* – общим наставником всего медицинского мира.

Из всей массы учеников Вирхова следует выделить более тесный круг его ближайших непосредственных учеников, его «школу» в более тесном смысле этого слова. Первое время эта школа носила название «берлинской», в противоположность «венской» школе Рокитанского. В первых рядах учеников Вирхова стоит стройная фаланга его бывших ассистентов, из которых почти все впоследствии заняли профессорские кафедры, а некоторые из них, в свою очередь, образовали собственные научные школы, а именно: Конгейм – по общей патологии, Гоппе-Зейлер – по физиологической химии.

Созревшие в Вюрцбурге идеи нового учения, «целлюлярной патологии», все более и более занимали Вирхова и вызвали у него вполне естественное желание оформить их и представить в виде стройного целого. И вот в 1858 году в новом патологическом институте раздалось новое слово. Перед многочисленной аудиторией товарищей, преимущественно берлинских практических врачей, Вирхов в серии демонстрационных

лекций представил «связное объяснение тех опытных данных, на которых, по его взгляду, следует в настоящее время построить биологическое учение и из которых следует вывести патологическую теорию». Лектор давал своим слушателям более полное и систематическое представление о клеточной (клеточной) природе всех жизненных явлений, физиологических и патологических, животных и растительных. Этим он желал достигнуть двойной цели. Прежде всего – в противовес традиционным патологическим воззрениям вновь оживить идею о единстве жизни во всем органическом мире и вместе с тем противопоставить односторонним объяснениям грубо-механического и химического направления более тонкую механику и химию клетки.

Появление в свет «*Клеточной патологии*» представляет поворотный пункт в жизни Вирхова. Если и до этого момента мы замечали в Вирхове известное стремление к разносторонности, известную энциклопедичность, то после 1858 года эта сторона его натуры и ума начала сказываться особенно ярко. Работа в узких рамках данной специальности необходимо и естественно должна была предшествовать созданию новой системы в медицине. Для этого требовалась сосредоточенная и детальная работа. Создав новую систему, обобщив увиденное и продуманное, Вирхов почувствовал с новой силой стремление к разносторонности. Узкая специальность, кабинетная работа не могли удовлетворять Вирхова. Он находил, что ученый не должен ограничивать своего кругозора стенами кабинета и лаборатории. И вот, помимо своей чисто ученой деятельности, помимо работ по той науке, кафедру которой он занимал, Вирхов вступает на широкую арену общественной деятельности. Он неустанно следит за пульсом общественной жизни. Каждое крупное общественное явление останавливает на себе внимание Вирхова, находит в нем сурового прокурора или горячего адвоката. На последующих страницах мы представим читателям картину общественной деятельности Вирхова как члена берлинского муниципалитета и прусского парламента. Теперь же мы остановимся на одном эпизоде, нарушившем правильное течение его берлинской жизни и перенесшем его из прусской столицы почти к стенам осажденного Меца. Причиной и в этом случае была опять-таки эпидемия, и «эпидемия травматическая» (раненая), по меткому выражению Пирогова, – война.

Когда железный канцлер заставил Пруссию вступить в воинственную эру, военно-санитарное дело далеко не стояло в прусской армии на такой высоте, как теперь. Добровольная частная помощь могла здесь сделать очень и очень много. В роли организатора такой помощи и выступил

неутомимый Вирхов. Не будучи квасным патриотом, он далеко не увлекался завоевательной политикой. Он был против присоединения Шлезвиг-Гольштейна и против войны с Австрией. Однако, едва эта война началась, Вирхов вечером того же дня собрал кружок лиц из разных политических партий для основания «Берлинского общества помощи германским действующим армиям». В устроенных этим обществом резервных лазаретах Вирхов и работал во время австро-прусской войны

В франко-прусскую кампанию Вирхов проявил еще более интенсивную деятельность. Он обратил внимание на ужасающую обстановку поездов, в которых транспортировали раненых. Последних помещали в товарных вагонах, без всяких приспособлений, прямо на полу, где была раскинута солома; ни врачей, ни даже санитаров при поезде не полагалось. Единственное исключение составил поезд, который прибыл в Берлин в середине сентября (1870 г.), обставленный всем необходимым, включая и врачебную помощь, и устроенный одним филантропом, силезским помещиком Гэника. По образцу этого поезда Вирхов и решил организовать большой военно-санитарный поезд и отправил его на театр военных действий для эвакуации раненых. Такого рода предприятие, никогда еще в большом масштабе практически не испытанное, представлялось делом рискованным. Ввиду такого убеждения Вирхов сам после того, как Берлинское общество помощи германским действующим армиям, по его предложению, решило предпринять эту попытку, считал своим долгом лично руководить первым поездом. И действительно, первый вполне благоустроенный прусский военно-санитарный поезд Вирхов сам сформировал и сопровождал во Францию и обратно. Главное внимание Вирхова было обращено на пополнение врачебного и служебного персонала – этого больного места всех санитарных поездов.

Когда поезд приблизился к боевой линии, оказалось, что раненых, подлежащих транспорту, нет, и Вирхову предложили эвакуировать тифозных и дизентерийных. Вообще, порядки в деле эвакуации раненых оставляли желать лучшего. Для добросовестного выполнения своей задачи Вирхову пришлось лично объездить расположенные в окрестностях осаждаемого Меца лазареты в поисках раненых.

Случившаяся в это время вылазка Базена (7 октября) избавила Вирхова от дальнейших хлопот и сразу доставила ему достаточный контингент раненых. Сопровождая санитарный поезд, Вирхов провел девять ночей на носилках, подвешенных к потолку вагона. Работы в нагруженном ранеными поезде было очень много, и требовалось напряжение всех сил, чтобы справиться с этой трудной задачей. Первый вечерний обход

затянулся до половины первого ночи. К концу обратного пути персонал едва держался на ногах. Наконец, 13 октября Virchow доставил своих раненых в Берлин.

С переходом Virchow на кафедру в Берлин имя его стало еще более знаменитым. Его заслуги перед лицом науки встретили должное признание и со стороны ученых корпораций вне пределов его отечества. В 1856 году Лондонское королевское медицинское общество избрало Virchow в иногородние почетные члены, число которых ограничено двадцатью. В 1859 году Парижская академия наук избрала берлинского патолога своим членом-корреспондентом. Знак особого почета следует видеть и в том поручении, которое возложило на Virchow норвежское правительство в 1859 году. Проказа, свившая себе издавна прочное гнездо в Норвегии, в том году особенно свирепствовала в западных провинциях, ввиду чего норвежское правительство и обратилось к Virchow с поручением объездить эти местности и изучить эту страшную болезнь. Непосредственное знакомство с проказой дало Virchow повод заняться в высшей степени интересными и поучительными изысканиями по истории этого страдания, представляющего один из наиболее мрачных моментов на мрачном фоне средних веков.

В 1874 году на долю Virchow выпала довольно редкая для представителя медицинской науки честь. Берлинская академия наук приняла Virchow в свою среду. Согласно принятому обычаю, в торжественном заседании, посвященном памяти основателя академии, Лейбница, 2 июля 1874 года новый академик произнес свою вступительную речь. В ней Virchow, как того опять-таки требовал академический обычай, дает резюме того, что он сделал, и указывает на ту цель, к которой он стремится. Нарисовав крупными штрихами картину исторического развития патологии и ее соотношений с естественными науками вплоть до своего учения о клеточной патологии, Virchow так заканчивает свою речь:

«То, чего патология уже достигла и что именно мне, как я могу допустить, доставило великую честь заседать сегодня среди столь избранных представителей науки, – это вновь приобретенная связь патологии с общим прогрессом естествознания. Это уже не болезнь, которую мы ищем, а измененная ткань; это уже не постороннее, инородное существо, проникшее в человека, а собственное существо человека, которое мы исследуем. Антропология – или, в еще более широком смысле, биология – распадается в настоящее время на две большие области – физиологическую и патологическую, которые исследуются однородными

методами, но в различных направлениях. Граница здесь столь зыбка, что едва возможно провести ее вообще, а тем менее – в целях исследования. И, как в некоторых пограничных областях нельзя сказать, с каким явлением мы имеем дело – с физиологическим, физическим или химическим, так и патология снова начинает все более и более обнаруживать естественную близость с родственными науками. В настоящее время ничто так не далеко от патологии, как возврат к тем физиатрическим и химиатрическим системам, которые вплоть до нашего времени столь часто задерживали прогресс познания. С благодарностью, я бы даже сказал, с гордостью представители патологии видят, что за ними признают, что они не отстали в стремлении к объективной истине и в способах исследования. Академия может быть уверена, что такое признание послужит новым стимулом в стремлении к высшей цели всей науки, – к полному познанию человека».

В напряженной всепоглощающей деятельности проходили у Вирхова год за годом. Незаметно наступил и 1881-й, год шестидесятилетия Вирхова. Ученики и почитатели его воспользовались этим для устройства юбилея. Юбилейное торжество происходило 19 ноября 1881 года в берлинской ратуше. Свыше тысячи человек приняли в нем участие. Присутствовали выдающиеся представители литературы и науки во главе с медицинским факультетом в полном его составе. Делегаты почти от всех университетов Европы приветствовали юбиляра. Бесконечное множество научных обществ и учреждений прислали своих представителей.

Глава VI

*Учение о клетке. – Целлюлярная патология и неовитализм. – Труды
Вирхова о патологической анатомии. – Труды по антропологии и
археологии. – Вирхов как популяризатор науки. – Речь Вирхова о
воспитании женщин*

Среди трудов каждого выдающегося ученого всегда можно указать на один труд, который как бы выполняет миссию этого ученого. С идеями, положенными в основу этого труда, обыкновенно и связывают имя данного исследователя. Другими словами: называя данного ученого, мы невольно припоминаем именно известный его труд; касаясь теорий, впервые изложенных в этом сочинении, мы невольно вызываем в своей памяти образ и имя данного автора. Среди трудов Вирхова такое центральное положение занимает его сочинение *«Целлюлярная патология в ее основах на физиологическом и патологическом учении о тканях»*.

Целлюлярная патология, конечно, не явилась из головы Вирхова в полном вооружении, как Минерва из головы Зевса, а зарождалась и созидалась постепенно в связи с возникшим учением о клетке.

Учение о клетке вырабатывалось в период, когда Вирхов только что приступил к изучению медицины. Краеугольными камнями воззрений того времени на клетку, ее образование и жизнь, послужили капитальные труды Шлейдена и Швана. Первый основал учение о растительной клетке, а второй положил начало учению о клетке животной. Под влиянием этого нового учения, приверженцем которого был и Иоганн Мюллер, и стали складываться биологические воззрения Вирхова как на здорового, так и на больного человека. Медицинская молодежь того времени, по выражению Вирхова, «рано научилась мыслить целлюлярно».

Под названием клеточной теории Швана понимают изложенное им учение о «свободном» образовании клеток. Основы этого учения заимствованы им из ботанической эмбриологии Шлейдена. Шван примкнул далее к учению об образовательных веществах: известное скопление последних он назвал *«бластемой»*, а по отношению к образующимся из этого клеткам – *«цитобластемой»*. Клетки, по мнению Швана, возникали, как кристаллы в маточном рассоле; он даже принимал это сравнение буквально и обозначал образование клеток прямо-таки как

органическую кристаллизацию. По схеме Швана, прежде всего из бластемы посредством соединения известных частей ее возникает ядро клетки, вокруг которого ложится тонкая оболочка – сама клетка, отделяющаяся от ядра известным количеством клеточного содержимого. По этой теории, как читатели видят, клетку представляли себе в виде пузырька.

Дальнейшие исследования показали, что такого свободного образования клеток вообще не существует. Затем было доказано, что для существования клетки вовсе не требуется присутствие оболочки. Существенным является лишь ядро и тело клетки, которые ранее считались содержимым клетки. Вещество, из которого состоит тело клетки, носит название *протоплазмы*.

В течение целого ряда лет, на целом ряде объектов исследования Вирхову удалось доказать, что патологических бластем также не существует и что ни в одном случае нельзя было подтвердить новообразования клеток из бластем. Благодаря этому отпадала всякая аналогия с кристаллизацией. Наблюдение скорее указывало, что все новые клетки – потомки старых клеток и что, следовательно, во всей сфере пластических процессов господствует лишь один закон образования – закон наследственности. Подобно тому, как целые организмы, животные и растительные, возникают путем наследственного размножения, точно так же и отдельные клетки. Допущение самопроизвольного зарождения по отношению к клеткам и их дериватам – тканям – представляется столь же излишним и ложным, как и по отношению к целому организму.

Таким образом, пришлось отказаться от самопроизвольного зарождения клеток. Теория бластем оказалась несостоятельной. И вот на место общего эмбриологического положения Гарвея «*omne vivum ex ovo*» (всякое живое существо происходит из яйца) Вирхов поставил другое, более точное положение – «*omnis cellula a cellula*» (всякая клетка от клетки); в этой краткой формуле Вирхов выразил всю сущность своих биологических воззрений. Эта формула является синтезом всей патологоанатомической работы Вирхова.

Начало пути, по которому Вирхов пришел к своей формуле, следует искать в его работах о костной и хрящевой тканях. Ему удалось изолировать так называемые костные тельца, которые являются клетками костной ткани. То же самое удалось и по отношению к хрящевой ткани. Оставалось только доказать присутствие клеток в соединительной ткани. Когда эта задача была решена, Вирхов из морфологии клеток костной, хрящевой и соединительной тканей и на основании одинакового отношения

их к химическим агентам и к теплоте справедливо заключил об идентичности всех этих образований.

Итак, клетка как основной элемент тканей животного, в частности человеческого, организма была вполне установлена.

Далее, в своих исследованиях о воспалении Вирхов показал, что не сосуды и нервы являются здесь самыми важными факторами, но что центр тяжести лежит в процессах, которые разыгрываются в элементах тканей, в самих клетках. Кроме того, Вирхов заметил тот важный факт, что заболевание не остается ограниченным одной лишь клеткой, но что каждый раз поражается прилегающая к клетке область основного вещества. Это особенно резко выступает в воспалениях кости. «Заболевают, – говорит Вирхов, – отдельные костные тельца с принадлежащей к ним территорией основного вещества». В этих «клеточных территориях» Вирхов и видел возможные «очаги болезни».

Вирхов видит большой шаг вперед в том, что организм можно себе представить состоящим из клеточных территорий. Для всякого патологического исследования исходной точкой должна служить болезненно измененная клеточная территория. Все биологические воззрения следует в конце концов свести на клетки и дериваты клеток, клеточные территории. Развивая дальше эту мысль, Вирхов приходит к фундаментальному положению о самостоятельно живущих и самостоятельно питающихся единицах, составляющих животный и человеческий организм. «Тело человека, – говорит Вирхов, – может быть разделено на бесчисленные растительные, живущие и питающиеся единицы, из которых каждая представляет известную независимость, известное самоопределение жизни». Это положение послужило основой новому учению Вирхова.

Целлюлярная патология, которая, естественно, заключает в себе целлюлярную теорию всего живого вообще, исходит из того, что клетки – собственно действующие частицы тела, *истинные элементы* последнего, и что от клеток берет начало всякое жизненное проявление (Action). Жизнь проявляется только действием, следовательно, познание различных видов деятельности и ее расстройств и составляет собственно задачу патологии. Последняя поэтому и представляется скорее биологической наукой, нежели механической. Механический ход отдельных жизненных актов этим никоим образом не исключается; напротив, без точного исследования механизма, который вступает в действие, проникновение в более тонкие процессы невозможно. Физические и химические законы не отменяются болезнью, как это учили до тех пор, они лишь проявляются иным образом,

чем это происходит в здоровой жизни. Ни при болезни, ни при излечении на сцену не выступает сила, до того не существовавшая или до того скрытая на заднем плане. То же вещество, которое является носителем жизни, есть и носитель болезни. «Ничто не препятствует, – говорит Virchow, – назвать и такое направление *витализмом*. Не следует только забывать, что особой жизненной силы отыскать нельзя и что витализм вовсе не обозначает необходимым образом спиритуалистической или даже динамической системы. Точно так же надо помнить, что жизнь отличается от процессов в остальном мире и что ее нельзя свести просто на физические и химические законы».

Виталистическая теория Virchова известна под названием «*неовитализм*», в отличие от витализма старых авторов, которые признавали существование особой жизненной силы.

Неовитализм как научное воззрение на жизнь противопоставляется другому воззрению – механическому. Наиболее ярким и талантливым поборником последнего был физиолог Дюбуа-Реймон, также ученик Иоганна Мюллера, школа которого придерживалась механического воззрения. Virchow вначале тоже разделял это учение, и лишь работы по клеточной патологии привели его к витализму.

Мы проследили путь, по которому Virchow пришел к своей знаменитой формуле, к новому учению. Вполне законченное и стройное изложение своих взглядов Virchow представил в капитальном труде «*Клеточная патология*». Это были те лекции, которые Virchow читал берлинским врачам в первом семестре 1858 года и о которых мы уже упоминали выше. Книга вызвала настоящий переворот в медицине. Появление «*Клеточной патологии*» имело такое же значение, как лютеровский перевод Библии. Это было целое откровение.

Наряду с увлекающимися поклонниками учение Virchова встретило и сильную оппозицию. Но с течением времени вновь открытые факты патологии скорее говорят в пользу virchowского учения, нежели против него. Стройное здание клеточной патологии, воздвигнутое Virchowым на прочных естественнонаучных устоях, – здание, которое пытались расшатать, – все еще стоит твердо.

К «*Клеточной патологии*» тесно примыкал самый крупный труд Virchова по патологической анатомии, а именно «*Болезненные опухоли*». Мы не станем подробно рассматривать этой капитальной вещи, к сожалению, неоконченной, – ввиду слишком специального ее интереса. Скажем только, что в тот хаос, какой представляло учение об опухолях, Virchow впервые внес известную систему, установил здесь известные

принципы, известную классификацию.

Из целого ряда более мелких работ Virхова, опубликованных им после 1856 года, укажем лишь на его исследования о *трихинозе*. Практическим результатом исследований Virхова о чужеродном, обуславливающим это заболевание, была выработка гигиенических и полицейских мер в форме осмотра мяса, – мер, послуживших предохранением от этой страшной болезни.

На рубеже патологической анатомии и судебной медицины стоит небольшой труд Virхова, – труд, который никоим образом нельзя обойти молчанием. Это – «*Техника вскрытий*». Выработанная Virховым на основании многолетнего опыта техника вскрытий принята по всей Германии ввиду своей рациональности и практичности. Руководясь правилами, изложенными в этой книжке, можно производить как патологоанатомические, так и судебно-медицинские вскрытия. Благодаря virховской «*Технике вскрытий*» в Германии все вскрытия производятся по одному шаблону, что весьма важно как в чисто научном, так и в судебно-медицинском отношении.

Прежде чем познакомить читателей с трудами Virхова, лежащими вне области медицинских знаний, мы считаем нужным отметить одну крупную и характерную черту, поражающую нас при изучении его работ. Какого бы вопроса ни касалась данная работа Virхова, в ней прежде всего бросается в глаза знакомство автора с историей занимающего его предмета. Это не то так называемое «знакомство с литературой вопроса», которое можно встретить в любой работе, претендующей на ученость, где автор старается буквально засыпать вас именами и именами, чтобы этим замаскировать зачастую поверхностное изучение предмета. Работы Virхова не блещут этим пестрым узором имен, а имеют целью дать читателям такую картину тех фактов и тех взглядов, которые были установлены и выработаны до известного момента по данному вопросу; другими словами, знакомят читателей с действительной историей вопроса. Через все труды Virхова, посвященные медицине, красною нитью проходит известный исторический культ, глубокое уважение истинного ученого к своим предшественникам, потрудившимся на пользу той же науки. «Может быть, – писал Virхов в 1858 году в предисловии к своей «*Целлюлярной патологии*», – в настоящее время является заслугой признание исторического права, потому что действительно изумительно, с каким легкомыслием судят о своих предшественниках именно те, которые каждую мелочь, найденную ими, прославляют, как открытие. Я стою за свое право, и поэтому я признаю также право других. Вот моя точка зрения в жизни, в политике, в науке».

Помимо патологической анатомии, с именем Вирхова тесно связана и другая отрасль знаний о человеке – антропология. Можно без преувеличения сказать, что Вирхов является главою немецких антропологов. С 1870 года он фигурирует сперва в роли основателя, а затем неоднократно в роли председателя немецкого и берлинского обществ антропологии, этнологии и первобытной истории.

Из многочисленных работ Вирхова по антропологии прежде всего следует указать на предпринятую по его инициативе перепись школьников Германии, Австрии, Швейцарии и Бельгии (более 10 миллионов) по новой схеме относительно цвета кожи, радужной оболочки и волос. Этим преследовалась цель установить распределение в названных странах светлого и смуглого типа, блондинов и брюнетов. Далее имеет целый ряд работ, посвященных Вирховым одной из наиболее интересных глав антропологии – краниологии.

В археологии труды Вирхова занимают также далеко не последнее место. Мы говорим о его работах по изучению свайных построек и о тех работах, которые явились плодом его непосредственного участия в раскопках Трои. Разносторонняя строго научная деятельность Вирхова, картину которой мы старались представить нашим читателям, шла у него рука об руку со стремлением популяризовать добытые наукою данные. Вирхов принадлежит к тем ученым, которые понимают, как важно для культуры нации возможно широкое распространение в массе здоровых понятий о научных вопросах. Разумная популяризация науки – один из самых существенных элементов прогресса. Только при таком условии возможно уважение к науке со стороны народа. А «где высоко стоит наука, стоит высоко человек».

В целях популяризации науки Вирхов предпринял в 1866 году совместно с профессором-юристом *Гольцендорфом* периодическое издание «Сборник общепонятных научных лекций». Издание это, существующее поныне, дает в виде отдельных брошюр ежегодно целую серию лекций, читанных перед большой публикой и посвященных всевозможным вопросам знания.

Из целого ряда различных публичных чтений Вирхова мы остановимся на его речи «О воспитании женщины». Речь эта интересна еще и тем, что послужила материалом для статьи нашего критика Писарева «Мысли Вирхова о воспитании женщин». Несмотря на то, что эти «мысли Вирхова» имеют за собою более нежели тридцатилетнюю давность (1865 г.), они не утратили своего интереса. Особенного внимания заслуживают те страницы, где Вирхов говорит о желательности лучшей педагогической

подготовки женщины как воспитательницы своих детей. Молодая мать, замечает Вирхов, стала бы смотреть с большей смелостью и самоуверенностью на своего первого младенца, если бы она не принуждена была сознаваться самой себе, что он – ее пробный ребенок, тот ребенок, над которым она более или менее самостоятельно, по своим собственным соображениям, должна производить свои педагогические эксперименты. Нечего греха таить, что наше домашнее воспитание стоит до сих пор на том низком уровне развития, на котором находилось в прошедшем столетии народное хозяйство. Это – чисто первобытное хозяйство. Задача нашего времени состоит в том, чтобы ввести в жизнь науку воспитания, которая положила бы конец производству бесконечных педагогических экспериментов и воспитанию детей по неопределенным слухам. Вирхов, однако, находит недостаточным только теоретическое преподавание педагогики, а считает необходимым знакомство с педагогической практикой.

«Не думаю я также, – говорит Вирхов, – чтобы следовало предоставлять на произвол судьбы изучение педагогической практики, которая, таким образом, усваивалась бы старшей сестрой только в том случае, когда аисту заблагорассудится принести ей еще братца или сестрицу. Надо устроить так, чтобы педагогическая практика сделалась одною из нормальных сторон женского воспитания». Как это устроить? На этот трудный вопрос Вирхов дает очень простой ответ. Чтобы большинство молодых девушек могло изучить практическую часть педагогики, Вирхов рекомендует воспользоваться такими учреждениями, которые находятся под руками или же могут быть созданы повсеместно каждой общиной и каждым обществом. Вирхов имеет в виду заведения для маленьких детей (Kleinkinderbewahranstalten), так называемые ясли и детские сады. Эти учреждения совершенно приспособлены к тому, чтобы «играть в развитии созревающего женского поколения ту роль, которую играют больницы и клиники в образовании молодого медика». Они могут сделаться образовательными заведениями, в которых будет изучаться на практике воспитание детей как с физической, так и с нравственной стороны.

«Все эти заведения, – говорит далее Вирхов, – существовали до сих пор только ради тех детей, которые туда принимались, или ради их родителей; иногда с этими учреждениями связывались также церковные цели. До сих пор было упущено из виду, что эти заведения могут быть питомниками деятельной добродетели и основательного знания для женской молодежи, семинариями хороших матерей и хозяек, если только воспользоваться ими для практического изучения педагогики под

руководством опытных учителей и учительниц. Таким образом, к готовому знанию присоединится готовое уменье. Когда девочка лежит еще в люльке, вы даете ей куклу, и она играет до тех пор, пока подрастет. Потом вы отдаете в ее распоряжение кукольную комнату и убираете эту комнату всеми принадлежностями, какие вы только можете приобрести. Зачем же это делается? Затем, чтобы в играх ребенка подготовить будущую специальную деятельность женщины; затем, чтобы пробудить чувство женщины, чтобы приучить малютку к заботам детской комнаты. Очень хорошо! Но затем следует большой пробел. Куклу ставят в угол. Весь мир появляется перед девушкой в каком-то замаскированном виде. Только в лице своего собственного ребенка молодая мать встречает снова перед собою реальный предмет. Неужели вы не чувствуете, что здесь оказывается в воспитании большая ошибка, самая тяжелая из тех ошибок, в которые впадает общество? Неужели вы не понимаете, что это грех – доверить живого ребенка такой матери, которая только в кукольной комнате приготавливалась к исполнению своих серьезных материнских обязанностей? Да еще к тому же, такой матери, которой приходится платить дань всем запутанным условиям современной общественной жизни, переполненной суетными удовольствиями, искаженной странными модами, подавленной превратными и суеверными понятиями. Эту ошибку можно устранить только тем, чтобы, вслед за кукольной комнатой, вести теоретическую подготовку женской школы, а потом практическое образование детского сада».

Читатели, надеюсь, согласятся с нами, что под этими строками можно смело поставить текущий год. «Мысли Вирхова» и его вполне рациональные предложения и теперь так же далеки от осуществления, как и в тот момент, когда он впервые их высказал.

Глава VII

Общественная деятельность Вирхова. – Вирхов – член берлинского муниципалитета. – Канализация Берлина. – Поля орошения в Берлине. – Вирхов – член парламента

В предыдущих главах мы познакомили читателей с Вирховым как ученым и учителем. Но, помимо своей научной деятельности, Вирхов представляет крупную величину как общественный деятель. И общественная деятельность Вирхова также не носит одностороннего характера. Почти одновременно он был избран в члены берлинского муниципалитета и прусского парламента.

В 1861 году Вирхов вошел в состав берлинского муниципалитета. В это время, с наступлением регентства принца прусского, церковная и политическая реакция несколько ослабли. В рядах берлинских «отцов города» все же находилось немного людей с достаточным гражданским мужеством и свободомыслием, чтобы невзирая ни на что преследовать только благо города. Появление Вирхова обусловило новую эру в самоуправлении Берлина. В особенности, в вопросах финансового свойства, – вопросах, обыкновенно столь щекотливых и часто запутанных, – новый член муниципалитета совершенно неожиданно проявил большое знание дела. Благодаря своему организаторскому таланту, критическому уму и умению быстро схватывать всю сущность вопроса, Вирхов сумел импонировать всем и очень скоро стал во главе группы лиц, которые поставили себе задачей сделать из Берлина город, действительно достойный быть столицей германской империи. В этих видах на первом плане должно было стоять оздоровление города.

Одним из самых существенных вопросов гигиены городов является очищение их от той массы отбросов и нечистот, которую дает его тысячное или миллионное население. Рациональное осуществление этой задачи стоит в связи с троякого рода сооружениями. Первый этап представляет сооружение, снабжающее город в достаточном количестве хорошей и годной во всех отношениях водой. Вторым этапом служит сооружение, собирающее все сточные воды, другими словами, правильная канализация города. Наконец, на третьем этапе канализационные воды должны быть выведены за пределы города и обезврежены. Уже сама идея водоснабжения

и канализации указывала технический путь, по которому должна идти практика при устройстве этих сооружений. Далеко не столь ясным в санитарно-техническом отношении представлялось третье звено этой цепи – удаление и обезвреживание канализационных вод. Чтобы прийти в этом направлении к окончательному результату, были произведены всевозможные попытки и опыты. Так, думали достигнуть обезвреживания сточных вод химическими способами, что, однако, оказалось и в высшей степени дорого, и крайне неудобовыполнимо; далее, думали обращать отбросы в пудрет^[4] и тому подобное. Наконец, остановились на так называемой системе орошения, состоящей, как известно, в том, что канализационные воды отводятся далеко за черту города для орошения специально для этой цели предназначенных полей, которые засеваются затем хлебными злаками, овощами и т. п. Система орошения завоевывает себе все более и более право гражданства, и не нужно быть пророком, чтобы предсказать этой системе в будущем самое широкое распространение. В настоящее же время система орошения нигде не проведена так последовательно и строго и нигде не осуществлена на таких широких и рациональных началах, как в Берлине. Это потребовало много времени и много труда со стороны берлинского муниципалитета. Немало времени и немало труда посвятил этому член берлинского муниципалитета Рудольф Вирхов.

В начале 1850-х годов в Берлине параллельно с устройством водоснабжения были приняты некоторые меры к правильному удалению сточных вод. Но уже вскоре обнаружилось, что эти меры недостаточны и технически крайне несовершенны. Ввиду этого правительство сочло нужным отправить в 1859 году в Англию и Францию особую комиссию для изучения соответствующих сооружений в этих государствах. Труды этой комиссии и представленный ею проект очищения Берлина от сточных вод были переданы на обсуждение магистрату города. После тщательного рассмотрения всего этого материала городские власти избрали городскую комиссию, на которую было возложено производство относящихся сюда опытов и основательное исследование всех относящихся сюда вопросов. В это-то время Вирхов и был избран в члены берлинского муниципалитета. Он стал душой этой комиссии, руководителем всех опытов и исследований. Комиссия работала в течение целого ряда лет, и лишь в 1872 году Вирхов представил общий обзор взглядов, которые явились результатом работ комиссии. В окончательном выводе Вирхов высказался, что отведение сточных вод Берлина в реку Шпрее не должно быть допустимо; ввиду же того, что достаточная дезинфекция вод оказалась невыполнима, как в

химическом, так и в финансовом отношении, остается лишь один путь – отведение городских нечистот на находящиеся вдали от города поля. Одновременно с этим был выработан новый проект очищения Берлина. Проект этот был принят магистратом и выполнен на деле.

Нам пришлось в одно из посещений Берлина, а именно по поводу Десятого международного медицинского конгресса, лично познакомиться как с канализацией, так и с полями орошения Берлина.

Однако не будем затруднять читателя описаниями тех сооружений, при помощи которых город Берлин освобождается от скопляющихся в нем нечистот, находит им полезное применение и делает их в конце концов совершенно безвредными. При личном изучении всего этого на месте мы вынесли грандиозное впечатление. Мы видели ту вонючую, грязную, мутную, почти черную сточную воду, которую город выбрасывает из своих пределов на поля орошения. Мы видели также и ту чистую, совершенно прозрачную, не имеющую ни малейшего запаха дренажную воду, которая получается словно каким-то волшебством из первой. Повторные анализы дренажной воды, произведенные бывшим ассистентом Вирхова, профессором Сальковским, указывают полнейшее отсутствие в ней каких-либо подозрительных составных частей. Конечно, вода эта не идет в употребление, и рабочим на полях орошения запрещено пить ее; несмотря на такое запрещение, они все-таки зачастую ее пьют.

Все эти сооружения, о которых мы говорили, представляют одно гармоническое целое, направленное к оздоровлению полуторамиллионного города, и обошлись этому городу в 140 миллионов марок.

«Пришлось изрядно побороться, – говорит Вирхов, – прежде чем городское представительство приступило к этим грандиозным предприятиям. Долгие годы исследования предшествовали этому, но, наконец, муниципалитет, в силу свободного убеждения, принял решение и уже твердо держался его даже тогда, когда взгляд властей изменился и когда прорицатели несчастья повыросли из земли, как грибы. И вот Берлин сделался чистым, здоровым, может быть, в известной степени можно даже сказать – красивым городом».

Во всех вопросах, касавшихся санитарного благоустройства города, Вирхов, разумеется, принимал самое деятельное участие. В различных комиссиях по постройке городских больниц мы непременно встречаем Вирхова. По его инициативе, по его указаниям был предпринят целый ряд работ, посвященных медицинской статистике города Берлина. Вообще своим санитарным благоустройством прусская столица в значительной степени обязана одному из лучших своих обитателей – Рудольфу Вирхову.

На арену политической деятельности Вирхов выступил в 1862 году, будучи избран в прусскую палату депутатов. Вирхов был один из основателей прогрессистской партии, а впоследствии принял на себя роль лидера этой партии. На парламентской трибуне Вирхов впервые дебютировал 15 февраля 1862 года.

Как только Вирхов занял кресло депутата, он тотчас обратил особое внимание на право народного представительства контролировать бюджет. До этого времени право контроля представляло собою почти то, что юристы называют *rudum jus*; оно ограничивалось лишь формальной стороной дела. «Мы хотим, – заявлял Вирхов, – в *такой* мере пользоваться правом контроля, предоставленным нам конституцией, мы хотим *таким* образом создать возможность этого пользования, как это отвечает общим принципам конституции». Ввиду важности вопроса Вирхов неоднократно брал на себя нелегкий труд докладчика бюджетной комиссии. Письменные его доклады, которые он представлял от имени бюджетной комиссии и которые задавались целью отстаивать права народного представительства против безбюджетного режима, являются еще и поныне благодаря ясности изложения и доказательности неопределимым источником для дальнейшего развития бюджетного права народного представительства. Оставаясь членом бюджетной комиссии в период так называемого конфликта 1862–1865 гг., то есть несогласия правительства с палатой депутатов, Вирхов является одним из самых деятельных и опасных ораторов оппозиции. Речь его никогда не была украшена яркими мишурными блестками пустой риторики. Она производила впечатление на слушателей своей доказательностью, глубоким пониманием трактуемого вопроса и полным знанием его деталей. Строгой логикой, холодным спокойствием и тонкой иронией Вирхов всегда импонировал своим противникам.

В так называемой *культурной борьбе (Kulturkampf)* Вирхов стоял на стороне правительства, исходя из предположений относительно последнего, которые впоследствии не оправдались. Само выражение *Kulturkampf* принадлежит Вирхову и встречается впервые в воззвании прогрессистской партии от 23 марта 1873 года. Здесь это выражение имело совершенно иное значение, нежели то, какое ему впоследствии было придано со стороны правительства и его органов. Вирхов охарактеризовал это движение «как великую культурную борьбу человечества», и уж, конечно, не его вина, если эта борьба государства с церковной иерархией выродилась в мероприятия полицейского свойства.

Лишь в 1880 году Вирхов вошел в германский рейхстаг, приняв полномочия от второго берлинского избирательного округа. В первом же

заседании 10 мая 1880 года, в котором Вирхов взял слово, он счел нужным высказаться о том чисто деловом характере прогрессистской оппозиции, характере, который зачастую оспаривался противниками. Большинство последних считало главным мотивом оппозиции личную неприязнь вожаков ее против имперского канцлера, князя Бисмарка.

«Я бы желал, – сказал Вирхов, – по крайней мере, относительно нас, с особым ударением заявить, что мы чувствуем себя совершенно свободными от какого-либо чувства ненависти или антипатии. Мы стремились во все времена судить о князе Бисмарке самым объективным образом. Если это, может быть, не всегда нам вполне удавалось, то я прошу историков немного подумать и о том, что в данный момент и субъект предъявляет известные права и что при личном столкновении страсти также разыгрываются, может быть, несколько более, нежели это необходимо с деловой точки зрения. Одно я должен признать за моей партией – что она никогда, ни в какие времена не отвергала какого-либо мероприятия именно потому, что князь Бисмарк одобрял, вносил или защищал эту меру. Напротив того, мы всегда были рады, если могли голосовать за какую-либо меру, которую вносил князь Бисмарк, и я могу с удовольствием сказать, что было несколько таких предложений, к которым мы присоединились, – правда, немногочисленных, должен сознаться. В этом лишь незначительном единении нашем с имперским законодательством и оказалась, конечно, причина запустения, в котором мы здесь в настоящее время находимся. Вы ведь знаете, что немецкий народ примкнул к другим полезным направлениям. Мы, бывшие некогда носителями германских идеалов, мы живем еще в том неудобном состоянии, что не можем избавиться от этих идеалов. Вы, господа, которые с этими идеалами не носились, вы можете утешиться зерном, железом, спиртом и так далее, это ведь необычайно приятное состояние, относительно которого, однако, мы вам никоим образом не завидуем. Итак, преследуйте ваши более материальные интересы, но предоставьте и нам наше право, хотя бы в нашем и малом количестве напоминать об идеалах нации. Господа, эти идеалы мы носили, идею германского единства мы воспитали в такое время, когда, к сожалению, князь, имперский канцлер, об этой идее не только ничего не знал, но прямо-таки боролся против нее». Нельзя не отметить еще заседания рейхстага от 15 декабря 1881 года, где возмущенный до крайности вмешательством правительственных органов в выборы Вирхов громил правительство, доказывая, что задача последнего не в том, чтобы всеми правдами и неправдами повлиять на выборы, а в том, чтобы поддерживать честность и корректность в общественно-

политической жизни.

В марте 1884 года место прогрессистской партии заняла свободомыслящая, в ряды которой вступил и Вирхов. В парламентскую сессию 1890 года Вирхов воспользовался удобным случаем, чтобы решительно высказать свою свободомыслящую позицию по отношению к ретроgrадам, ультрамонтанам центра. В дебатах, возникших по поводу увеличения содержания учителям семинарий, один из депутатов центра высказал ту мысль, что люди существуют, чтобы подготовиться к загробной жизни. Вирхов нашел такую точку зрения абсолютно непонятной для всякого разумного человека и заметил, что «люди существуют для того, чтобы быть людьми; это – их первая задача, к этому они и должны подготовиться, и если они это делают толково, то, вероятно, в конце концов попадут и на небо».

С первого момента своего вступления на политическую арену и вплоть до последнего времени Вирхов неустанно боролся за сохранение и развитие народной свободы, за уменьшение податей и повинностей, за сохранение и дальнейшее развитие правового государства, боролся против всяких попятных стремлений в области политической, экономической и религиозной, боролся, не идя ни на какие компромиссы, не поступаясь ничем.

Глава VIII

Новейшие события. – X Международный медицинский съезд в Берлине. – Юбилей 1891 года. – Virхов и туберкулин. – XII Международный медицинский съезд в Москве. Заключение

В последних главах мы развернули перед читателями картину разносторонней и плодотворной деятельности Virхова на поприще науки, общественной жизни и политики. Нам остается сказать лишь несколько слов о последних событиях из ближайшего к нам времени, отметить наиболее крупные эпизоды, которые пережил Virхов в последние годы.

Прежде всего остановимся на имевшем место в Берлине, в 1890 году, X Международном медицинском конгрессе. Уже в 1884 году, на VIII Международном медицинском конгрессе в Копенгагене, Virхов передал приглашение собрать следующий конгресс в Берлине. Ввиду нежелания французских врачей ехать в Германию предложение это было отклонено. Следующий, вашингтонский конгресс (в 1887 году) по инициативе берлинского гинеколога А. Мартина (A. Martin), выбрал Берлин местом X Международного медицинского конгресса. Организация этого конгресса была возложена на Virхова, Бергмана и Вальдейера. Находясь во главе организационного комитета, Virхов много потрудился, чтобы обеспечить конгрессу успех. Между прочим, под редакцией Virхова было издано специально для конгресса городскими властями прекрасное описание всех санитарных и гигиенических учреждений города Берлина: «*Die öffentliche Gesundheits und Krankenpflege der Stadt Berlin*».

Открывая, в качестве председателя, этот конгресс в городе, которому он посвятил в течение длинного ряда лет свою общественную деятельность, Virхов обратился к собранию с прекрасной, как по содержанию, так и по форме, речью. Далеко выходя за рамки обыкновенной приветственной речи, она местами была в высшей степени поучительна.

«С моей стороны, – сказал Virхов, – было бы крайне неблагодарно не выразить чувства глубокой радости и истинного удовлетворения при взгляде на бесконечные ряды почтенных гостей, отозвавшихся на наше приглашение. Кто сам более 40 лет занимал кафедру в германских университетах, кто пережил многочисленные потери лучших друзей, с кем

он работал, которых воспитал вместе с собой, тот может назвать себя счастливым, снова встречая в этом блестящем собрании бывших своих учителей, видя перед собою представителей почти всех направлений в медицине, возникших с того времени, основателей почти всех тех пролагающих новые пути учений, которые в корне изменили внешнюю форму и внутреннюю сущность нашей науки, величайших исследователей и выдающихся практиков, наконец, находя среди товарищей, собравшихся здесь, прежних своих учеников, которые восприняли дух нового времени и с энергией проводят его в жизнь.

Народ наш, – продолжал Вирхов, – знает, что медицина – одно из самых ярких поприщ гуманности; он привык к тому, что у врачей научные исследования и практика совмещены, что у них высшие идеалы идут рука об руку с самоотверженной заботой об общественном благе и благе отдельных лиц, даже самых ничтожных и несчастных. Медицина в Германии – действительно популярная наука, и если наш тяжело работающий народ лишь относительно немногих врачей подтверждает справедливость древнего изречения: «*dat Galenus opes*» (медицина дает богатство), то он все-таки умеет воздавать любовью и признательностью за искусство и самоотверженность. Он гордится, если его врачи и его санитарные учреждения пользуются уважением на чужбине, но и он, в свою очередь, чтит имена великих медиков других народов и хорошо знает, что медицинская наука – одна и что действительно научно работающие врачи всего света стремятся к одним и тем же целям, руководятся одними и теми же принципами.

Разве не высшая задача международных медицинских конгрессов – развить во всех своих участниках, и даже далеко за пределами рядов этих участников, во врачах всего мира, сознание, что медицина должна быть гуманною наукой? Не должны ли мы, при виде столь великих усилий, всецело направленных ко благу людей, не должны ли мы напомнить друг другу, что служба врача – есть служба человечеству? Не должны ли мы, справедливо гордясь теми громадными личными жертвами, которые приносит каждый единичный врач часто за самое ничтожное вознаграждение, а то и без всякого вознаграждения, не должны ли мы указать на то, что врачи с разных концов света образуют такие многочисленные собрания не ради личных выгод, не ради улучшения своего положения, не ради того, чтобы обеспечить себе большее вознаграждение и меньшее время работы, но для того, чтобы обогатить себя познаниями, чтобы укрепить свои силы для служения своим ближним».

Приветственная речь на X Международном медицинском конгрессе является одной из лучших речей Вирхова в этом роде и надолго запечатлелась в памяти слышавших ее.

X Международный медицинский конгресс можно было в известной степени рассматривать как неофициальное юбилейное торжество Вирхова. В течение всего времени этого конгресса Вирхов постоянно служил предметом шумных оваций. Взоры всех и всегда были обращены на Вирхова. Все в совокупности и каждый в отдельности из съехавшихся врачей старались выказать свое уважение Нестору германской медицины. Неудивительно поэтому, что, когда в 1891 году наступил семидесятилетний юбилей Вирхова, этот юбилей принял характер грандиозного международного торжества науки. «Ни один культурный народ, – говорит в юбилейной заметке редактор одной из видных медицинских газет, „Deutsche medicinische Wochenschrift“, – не остается в тени, все принимают участие в чествовании человека, который служил исключительно науке, истине и человечеству». И действительно, весь цивилизованный мир откликнулся на призыв почтить 70-ю годовщину рождения Рудольфа Вирхова.

«От лица многочисленной и далеко распространенной корпорации друзей, почитателей и учеников во всем научном и врачебном мире» юбиляру был передан берлинским профессором анатомии Вальдейером ценный подарок.

«Наше скромное приглашение принять участие в этом почетном даре, – заметил оратор, – нашло широкие отклики. Со всего земного шара, из Европы, Азии, Африки, Австралии, Америки, в особенности из великой федерации Соединенных Штатов, полились обильные взносы и дали нам возможность сделать наш дар столь совершенным и достойным, как мы только могли этого желать».

Большая золотая медаль, врученная Вирхову, должна, по словам Вальдейера, показать современникам и потомству: «Вот Рудольф Вирхов, вот слепок с его деятельности, с его трудов».

Заимствуем из речи Вальдейера описание этой медали.

«Ваше вполне удачное изображение, высокочтимый учитель, украшает лицевую сторону этого прекрасного барельефа; на обратной стороне Вы видите юношески выступающего гения исследования с высокоподнятым факелом, как он раскрывает тайны природы перед наукой, олицетворенной в виде благородной женской фигуры. Кругом – изображения и знаки, заимствованные из этой обширной области знания, которой Вы посвятили свою работу; затем всемирно известный берлинский

патологоанатомический институт, Ваше творение и арена Вашей деятельности, – все это окаймлено Вашим кратким изречением, но столь содержательным, что оно будет звучать, пока существует наука – „*Omnis cellula a cellula*“.

От имени Берлинского медицинского общества, председателем которого состоит Вирхов, юбиляра приветствовал профессор Бергман. Между прочим, последний отметил, что не Вирхов нуждается в обществах, а общества нуждаются в Вирхове.

Общее число deputаций, явившихся поздравить маститого юбиляра, составляло 94.

Нельзя обойти молчанием один эпизод, в котором ярко сказался здравый научный скептицизм, всегда отличавший Вирхова. Это – пресловутая история с туберкулином. На X Международном медицинском конгрессе знаменитый бактериолог Кох, «отец бацилл», как его называют берлинцы, впервые сообщил о своем новом средстве лечения чахотки – о туберкулине. Читатели, вероятно, помнят тот невообразимый шум, который наделало это средство. Печальной памяти туберкулин вскружил головы как несчастным чахоточным, так и врачам. Произошло какое-то великое переселение народов: всё устремилось в Берлин. Столица Пруссии превратилась в одну большую гостиницу, которая кишела чахоточными и врачами. Флакончики с туберкулином рассылались во все концы света; во всех клиниках и больницах стали применять новое средство. В короткое время создалась громадная литература о туберкулине. В конце концов, однако, все свелось к нулю, и даже репутация Коха как солидного ученого несколько пошатнулась. Первым, кто высказал трезвое слово о новом средстве и увлечении им, был Вирхов. В небольшом докладе, представленном Берлинскому медицинскому обществу, Вирхов критически разобрал и осветил результаты нового лечения, результаты, с которыми ему пришлось ознакомиться в целом ряде случаев на секционном столе. Доклад этот и последовавший затем доклад об излечении бугорка сразу охладил пыл слепых поклонников нового лечения. Последующие события показали, что Вирхов был совершенно прав со своей предостерегающею речью.

В заключение нам остается еще упомянуть о XII Международном медицинском конгрессе, имевшем место в Москве в августе 1897 года и о той роли седовласого *enfant gate*, которая выпала на долю Вирхова.

Среди всех врачей, прибывших в первопрестольную столицу, Вирхов был, бесспорно, самым выдающимся, стоял «*hors de concours*». Ввиду же редкой популярности не только имени Вирхова, но и его личности, неудивительно, что, где только ни показывалась скромная фигура

берлинского патологоанатома, его тотчас окружали и шумно, иногда даже слишком шумно, выражали ему свое уважение.

На первом общем собрании конгресса Вирхов произнес очень интересную и остроумную речь о непрерывности жизни как основе биологических воззрений. Эта речь представляет картину исторического развития биологического направления в медицине, – картину, написанную смелой кистью мастера. Сам много потрудившийся и проложивший новые пути биологическому направлению, оратор представил слушателям блестящий очерк того, как развивались наши воззрения на жизнь организма, на его возникновение и развитие, на жизнь составляющих его элементов и на процессы, в них происходящие. Несмотря на достигнутые успехи, мы далеко еще стоим от решения великого вопроса жизни. Вступающим на смену поколениям предстоит еще много работы в этом направлении, и на их долю выпадет завидная честь окончательно установить принципы биологических воззрений в медицине.

На этом же съезде, по предложению Вирхова, была присуждена денежная премия Анри Дюнану, который в своем знаменитом «Воспоминании о Сольферино» некогда взволновал весь цивилизованный мир описанием ужасного положения раненых, брошенных на произвол судьбы на поле битвы. Дюнан затем поставил целью своей жизни организовать международную помощь раненым и, исходя из этой идеи, положил начало великому институту Красного Креста. *Международный медицинский съезд* и должен был почтить основателя *международной помощи раненым!* Вирхов это понял и указал съезду на это.

На предыдущих страницах мы старались представить по возможности живой и верный портрет одного из самых выдающихся представителей современной медицинской науки. Рудольф Вирхов не пережил себя, но уже принадлежит истории. К нему можно применить слова поэта, что он «свершил в пределе земном все земное». Мы представили читателям, при каких условиях и под каким влиянием развивался Вирхов, как складывались его научные и политические взгляды. Через всю его жизнь красною нитью проходит любовь к истине во всем широком значении этого святого слова. И в науке, и в жизни, и в политике Рудольф Вирхов стремится к истине, ищет этой истины, не отступая ни перед кем, ни перед чем. Второе «слово», которое написал на своем знамени Вирхов, – это труд. Как трудился Вирхов и какие результаты дал его труд, это, надеюсь, видели наши читатели. Труд Вирхова отличался интенсивностью и разносторонностью. От секционного стола и профессорской кафедры он переходил на парламентскую трибуну. Вскрытия трупов и исследования

микроскопических препаратов сменялись измерениями живого человека. Затем люди отходили на задний план, и на сцену выступали археологические раскопки. За научным сообщением о каком-либо редком случае двойного уродства следовала популярная лекция об атомах и неделимых или о свайных постройках, а за такую лекцию – блестящая речь в парламенте.

Мы закончим наш очерк словами Дюбуа-Реймона, которыми последний заключил свое приветствие Вирхову при вступлении его в Берлинскую академию наук.

«Я забываю, – так выразился Дюбуа-Реймон, – что я говорю о человеке и человеку, который в течение почти целой человеческой жизни работал на необозримом поле с неисчерпаемой плодovitостью и неустанным напряжением, работал, воспроизводя, изыскивая, устанавливая, упорядочивая, исправляя и обобщая; его имя, связанное с бесчисленными наблюдениями, опытами, теоретическими мыслями, известно во всем свете как имя пролагающего новые пути и производящего переворот и все упорядочивающего и созидającego ума. Как учитель он не только распространял среди тысяч полезные сведения и здравые воззрения, но и воскрес в своих многочисленных учениках и учениках учеников, и пронизывает науку воспроизводящими зародышами, действуя подобно ферменту до бесконечности».

К этой блестящей и меткой характеристике трудно что-либо прибавить.

Нам остается лишь пожелать, чтобы наши читатели прониклись такими же симпатиями к великой и светлой личности Рудольфа Вирхова, симпатиями, какие пробудило в нас более близкое знакомство с жизнью и трудами этого ученого.

Источники

Материалом при составлении настоящего очерка нам послужили прежде всего труды самого Вирхова и те издания, которые он редактировал («Archiv für pathologische Anatomie», «Medicinische Reform» и другие).

Затем мы воспользовались биографическими очерками, воспоминаниями и заметками, появившимися по поводу 70-летнего юбилея Вирхова как отдельными изданиями, так и в периодической прессе. Среди этих биографий на первом месте следует поставить: *Becher*. Rudolf Virchow. Berlin, 1891. Можно указать еще на краткую биографию: *Steinitz*. Rudolf Virchow. Berlin, 1891.

Назовем еще следующие источники:

1. Biographisches Lexicon hervorragender Aerzte.
2. *Haeser*. Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten. 1874–1876.
3. *Baas*, Grundris der Geschichte der Medicin und des heilenden Standes. 1876.
4. *Hirsch*. Geschichte der medicinischen Wissenschaften in Deutschland. 1893.
5. *Pagel*. Die Entwicklung der Medichi in Berlin. 1897.
6. *Du Bois-Reymond, E. Reden*. Zweite Folge. 1887.
7. Die öffentliche Gesundheits- und Krankenpflege der Stadt Berlin. 1890.
8. Anstalten und Einrichtungen des öffentlichen Gesundheitswesens in Preussen. 1890.
9. *Bios W.* Die Deutsche Revolution. Geschichte der deutschen Bewegung von 1848 und 1849. Stuttgart, 1893.

Наконец, упомянем еще о небольшом биографическом очерке *H. C.* «Рудольф Вирхов» («Вестник Европы», 1882, кн. 8).

Примечания

1

«Солдаты, Император смотрит на вас» (фр.)

2

Непрерывным условием (*лат.*)

Известность знаменитого лейденского профессора (1668–1738) достигала таких баснословных размеров, что, по рассказам, один китаец отправил Бергаве письмо с довольно кратким адресом: «Знаменитому врачу в Европе». Письмо это было доставлено адресату.

4

обращенное в сухой порошок удобрение для пашни (*Словарь В. Даля*)